

ФОРЛОСТ

Вадим Громов

И АД СЛЕДОВАЛ
ЗА НИМИ...

ИСКАЛЕННЫЙ МИР

Форпост

Вадим Громов
Искалеченный мир

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос = Рус)6

Громов В. Н.

Искалеченный мир / В. Н. Громов — «АСТ», 2013 — (Форпост)

Великолепная четверка «одаренных» – Лихо, Книжник, Алмаз и Шатун. Эти люди способны на всё. В их власти отменить Конец света, и только они могут спасти этот искалеченный мир. Если сумеют. И – если захотят. Да и люди ли они теперь? Компания бойцов, обладающих нечеловеческими способностями, отправляется в свой последний путь. Экстремальный тур «Санкт-Петербург – Улан-Удэ». Путешествие по руинам цивилизации, последняя обзорная экскурсия, в окружении мутантов и отморожков, умеющих только одно: убивать. Будет страшно. И – весело. Потому что, когда смеются смертники, – содрогается даже Тьма.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос = Рус)6

© Громов В. Н., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвёртая	33
Глава пятая	44
Глава шестая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вадим Громов

Искалеченный мир

Глава первая

Облака были самого обычного колера: желтовато-серого. Нормальные такие облака, от созерцания которых на душе сразу же и безоговорочно воцарялась законченная безоблачность, без малейшего намёка на пертурбации и прочие жизненные безобразия. Такой вот каламбур образовался, бывает... Желтовато-серые – конечно, самое то; и, если кто начнёт ныть, что бывает лучше, – дайте ему прикладом по темечку, чтобы мозги на место встали. Ну не бывает – и всё тут! До Сдвига, рассказывают, сплошь и рядом белые облака по небосклону шастали, при грозе – серые, чёрные, но никак не всех цветов и оттенков, с палитры шизанутого на весь кумпол рисовальщика.

Вот если вдруг малиновые потянутся или (тьфу-тьфу!) золотистые... тогда – да! Тогда финиш и полный загиб организма по всем статьям и категориям. Если, конечно, предварительно не принять меры безопасности. А желтовато-серые, да ещё и в июле – полная раслабуха и шалтай-болтай.

Алмаз лениво поелозил плечами, устраиваясь поудобнее, и бросил скучающий взгляд на остальных, пребывающих в точно таком же плотном безделье. Шатун привычно делал вид, что беззастенчиво дрыхнет, скрестив руки на мощной груди, даже в таком состоянии продолжая оставаться тем, кем он всегда и был. Гибридом связки «Ф-3» – родичем легендарной «лимонки» и стеклянной цистерны с горючкой, к которой, собственно, это дело и было присобачено. При первой же необходимости – рванёт, полыхнёт и переполошит так, что малиновые облака, по сравнению с окаянством Шатуна, покажутся безобидной развлечухой.

«Хамелеоны», висящие у кого на шнурках, у кого на цепочках, твёрдые образования каплеобразной формы, размером со сливу, появившиеся после Сдвига и по какому-то капризу того же Сдвига наделённые способностью чувствовать любые мутировавшие организмы Материка, были унылого цвета мышинной депрессии. Тускло-серого. Что дополнительно радовало. Вот, когда нальётся радужным свечением, тогда – аврал, ищи во все глаза, откуда очередная членовредительская неприятность прёт-вылезает.

Книжник, периодически поправляя сползающие с переносицы очки, втрескался в пухлый том, на некогда глянцевого обложке которого теперь лишь смутно угадывалась суровая разборка суровых гомо сапиенсов с не менее суровой монстрятиной. Монстрятина пёрла направо, брызгая мутными слюнями, раздрызгавшись щупальцами – на пол-обложки, и три автоматных дула, отоваривающие помесь кракена с газонокосилкой щедрыми порциями свинцовых драже, не производили на вражину никакого впечатления.

Алмаз саркастически хмыкнул, поправив лежащую на груди неизвестно какую уже по счёту модификацию «калаша» с хорошей оптикой и ещё некоторыми полезными приспособлениями. Делавшую выживание обладателя столь нужной вещи в окружающей действительности более уверенным и простым.

Книжника в их слаженный коллектив пристроил-впихнул родственник, чтобы в хилого книгочея – перефразируя известное изречение – «хоть по капле, вдавливали настоящего мужчину». Настоящий мужчина вдавливался в Книжника изумительно неохотно и вовсе уж – мизерными порциями. Коллектив поначалу попытался воспротивиться такому нововведению, но со временем привык, притерпелся и даже начал находить положительные моменты в

присутствии худосочного, как выражалась Лихо – «милиталирически» настроенного, соратника.

Книжник перелистнул страницу, взволнованно потирая лоб. Судя по его реакции, у суровых гомо сапиенсов закончились патроны, и они пошли в рукопашную, отбиваясь всеми частями тела, включая пупок, копчик и третий глаз. В дозор этого книгочея брали довеском, чтобы не слишком расслаблялся и окончательно не пропал в пучине увлекательного чтения, зачастую не имеющего с реальностью ничего общего. Разве что чтение не всегда было легковесным и развлекательным, скорее даже сегодняшний эпизод – исключение из правил. Обычно очкарик штудировал что-нибудь вроде «Большой Советской Энциклопедии», сохранившейся в здании библиотеки посёлка Суровцы. Читать он научился лет с пяти, и ещё через несколько месяцев кличка Книжник приклеилась к нему навсегда. Вторым увлечением Книжника, впрочем не идущим ни в какое сравнение со страстью к чтению, был просмотр досдвиговой кинопродукции, но на этот раз – исключительно развлекательной направленности. Боевички из разряда «всех убью – один останусь», вроде «Крепкого орешка», «Коммандо» и прочих экшен-изысков с сигналами и вандаммами. Герой-одиночка, живописно ломающий конечности, гектарами накладывающий поверженных душегубов и в конце – обязательно детерминирующий главгада зело впечатляющим образом.

– Слушай... – вдруг томно протянула Лихо, эротично наматывая на палец платиновый локон и призывно глядя на очкарика. – Книжник... Ты правда меня любишь? Без памяти, а?

– А? Что? – Книжник вынырнул в действительность, непонятливо уставившись на Лихо, в глазах у которой во всю прыть наябривал «камаринского» батальон бесенят самого шпанского облика. – Кого люблю?

– Меня, – невинно хлопая глазками, повторила красотка. – Любишь – нет? А то уже не знаю, надеяться мне или оставить всё как есть, поискав кого-нибудь доступнее...

Шатун приоткрыл один глаз, надеясь на продолжение диалога. Алмаз потёр подбородок, ожидая того же самого. Хохмочка была уже приевшаяся, но иногда выдавала самые неожиданные результаты, примерно в пропорции пятнадцать к одному: Алмаз как-то, от нечего делать, вел скрупулёзный подсчёт на протяжении полугода и вывел данную закономерность. Но сегодня был не их день.

– Да ну тебя, – разочарованно отмахнулся Книжник, снова погружаясь в атмосферу кипучей схватки.

Лихо уселась со скрещёнными ногами, ещё пару раз стрельнув глазками в давно и прочно избранную жертву, но безрезультатно. Очкарик нетерпеливо добирал то, чего ему не хватало в жизни, то, к чему его почти не подпускали: приключения, стычки, адреналин. Адреналина – без натяжек – хватало, достаточно отойти всего-то на пару километров от места их дозора. Но Книжник и окружающая реальность в самых жутких её проявлениях – две категорически несовместимые вещи. Как Шатун и романтика. Как Алмаз и нечищенное оружие. Как Лихо и серьёзность.

– Тьфу на вас! – спустя некоторое время сообщила Лихо, прекратив будничное обволакивание Книжника своими чарами. – Никакого внимания даме... повеситься можно от апатии к прекрасной женщине со стороны сильной половины человечества.

– Иди, повесься, – меланхолично посоветовал Шатун, закрывая глаз. Неукоснительное соблюдение привычного ритуала шло по накатанной. Через полминуты Алмаз скосил глаза вбок, где раздавалось сосредоточенное пыхтение Лихо, отжимающейся на одной руке. Все как всегда... Седьмой год в одной компании, не считая Книжника, который попал сюда года два с половиной назад. Граница посёлка, дозор, заезженные шуточки, никаких тебе развлеч...

– Стиляга пляшет, – напряжённо обронил в пространство Книжник, мгновенно потеряв интерес к чтению. Жизнь подкинула эпизод поинтересней, чем стороннее участие в фэнтезийной мясорубке.

Шатун открыл глаза, цепко окидывая взглядом окрестности. Алмаз приник к оптике, рассматривая неожиданного разрушителя рутины. Лихо продолжала отжиматься, прекрасно понимая, что здесь вполне обойдутся без неё.

Развлечение было даже не столько неожиданное, сколько дохленькое.

Причём в буквальном смысле слова. «Стилягой» объект прозвал Книжник, насмотревшийся своих киношек и уловивший некое сходство между танцами в одном из них и вихлявой походкой идущего к дозору мертвяка. Как бы сказал всё тот же любящий поэтические метафоры Книжник: «Не сильно побитый жизнью жмурик».

– Первый, это шестой. У нас «пешеход», – неторопливо сообщил в рацию Алмаз. – Как слышите?

– Слышу, шестой, – хрипнул динамик. – Проблемы или сами поладите?

– Какие проблемы, первый? – с ноткой уязвлённости откликнулся Алмаз, иронично переглянувшись с Шатуном. – Первый раз, что ли, говно пинком учить? Всё будет быстро и ласково... Отбой.

– Отбой. – Рация замолчала, и Шатун скомандовал Книжнику: – Метни, умник... Чтобы всё по-честному.

Тот, не отрывая взгляда от плетущейся вдалеке фигуры с ломаной походкой нежити, сунул руку в карман штанов и выудил оттуда начищенную до блеска монету. Медный пятак с гербом канувшей в былое империи взвился в воздух, взблеснув в тусклых солнечных лучах, и упал в ладонь хозяина.

Решка.

– Да что ты будешь делать! – Шатун ахнул кулачищем о ладонь. – Опять в пролёте! Банкуй, стеклорез. Не промахнись смотри... а то вдруг когда-нибудь...

– И как-нибудь, и жопой в грудь, – насмешливо продолжил Алмаз, упираясь прикладом в плечо, хотя мог прекрасно обойтись без этого. Но удовольствие следовало малость растянуть, хоть на долю мгновения. Выпади «орел», и пошёл бы неспешно Шатун: с рисовочкой, чуть ли не с песней, делать «гуляш по-мертвецки». Ритуал, чего уж. Каждый развлекается как умеет. Как жизнь *позволяет*...

Лихо поднялась на ноги и замерла, глядя в сторону мёртвой мишени. Обречённой с секунды на мгновение упокоиться окончательно. Книжник так и вовсе застыл сущим извоянием, переводя взгляд с Алмаза на «стилягу». Он больше всего на свете хотел оказаться на месте снайпера; но в кариесном дупле бриллианты не водятся, вот незадача... Конечно, можно было разрешить шамальнуть разок-другой, будучи заранее уверенным, что Книжник скорее попадёт себе в тощую ягодицу, чем в мишень. С Алмаза бы не ubyло. Но рисковать без толку никто не собирался.

Шатун щёлкнул пальцами ровно в тот момент, когда Алмаз потянул спусковой крючок. Ещё одна частичка ритуала, лекарство от скуки. Звуки щелчка и выстрела совпали, и череп бредущего метрах в двухстах от них «пешехода» брызнул бурым.

– Получите и распишитесь... – сказал Книжник, напряжённо сжимая в руках книгу, словно это он с её помощью только что завалил «стилягу».

– Когда Алмаз промахнётся, я влеплю Книжнику такой засос... – Лихо отвела взгляд от оседающего на землю мертвяка и посмотрела на очкарика с бесконечными восторженностью и мечтательностью. Настолько бесконечными, что они попросту не могли быть подлинными. Бесенята в её глазах заметно прибавили в количестве и матёрости. И, перейдя на следующий уровень танцевального мастерства, выделявали сложные балетные па. Книжник вздохнул и уткнулся носом в своё чтиво. Шатун тоже вздохнул даже не разочарованно – какой смысл

разочаровываться в том, что просто-напросто не способно меняться? Алмаз *никогда* не промахивается – и собрался продолжить полуденную дрему. Попадётся и на нашей тропинке «пешеход». Ужо порезвимся, в ближнем контакте-то...

– Не по-ня-ла... – Лихо вдруг вытаращилась вдаль так, словно там нарисовались две «кляксы», устроившие сеанс смехотерапии путём рассказывания анекдотов про блондинок. И дело было даже не в том, что «кляксы» по природе своей не способны издавать членораздельных звуков.

– Он... он поднимается!

Мертвяк действительно вставал на ноги. Неуклюже, раскачиваясь из стороны в сторону, еле держа равновесие, но вставал! Сказать, что это было *невероятно*, значило не сказать ничего. Алмаз с ошарашенной физиономией приник к оптике, пытаясь понять, почему происходит то, чего происходить никак не должно.

– Ох-ре-неть! – с чувством выдал Шатун, снова шандарахнув кулачищем по ладони. – Стеклорез, никак не думал, что доживу до такого эпохального события... Ты ли это?

– Что... не... ептыть... – Алмаз опустил «калаш» и обвёл сотоварищей взглядом, в котором бурлила целая гамма эмоций. – А ведь я не промазал. Слышь, Шатун? Глянь сам, если не веришь...

Он перебрал «калаш» верзиле, и тот сосредоточенно прилип к оптике, разглядывая предмет обсуждения. Через несколько секунд гамма эмоций на его лице догнала и перегнала ту, что терзала душу Алмаза, и невысказанный вопрос поняли все остальные: «Какого х...?»

«Калаш», вернувшийся к законному владельцу, коротко выхаркнул ещё один свинцовый сюрприз, и даже на большом расстоянии было заметно, как голова «стиляги» снова дёрнулась от попадания. Но он продолжал идти, раскачиваясь в пространстве зловещим неваляшкой.

Воздух пронзили новые выстрелы, полусгнившая одежонка на груди «пешехода» дёрнулась два раза, но без какого-то видимого эффекта. Хотя, если смотреть с точки зрения мертвяка, эффект как раз был. Четвёрка дозорных тарасилась на приближающийся экземпляр фауны, как на ангела, вдруг явившегося перед ними с длинным списком накопленных прегрешений, категорически не подлежащих замаливанию.

– Моя очередь! – коротко рявкнул Шатун. Выскочил на дорогу, по привычке разминая плечи. «Хамелеон» на его груди начал выдавать скупой радужный перелив, и Шатун прихлопнул его ладонью, заставляя погаснуть.

– Куда?! – ахнула Лихо, бросаясь следом, но громила уже рванул навстречу «стиляге». И догнать его могла только пуля. Которая полная и законченная дурища. От других Шатун *влёгкую* мог и увернуться.

– Первый, я шестой, – Алмаз лающим голосом бросал в рацию короткие фразы, напряжённо следя за убегающими друзьями. – У нас хаос, у нас хаос. Как поняли?

– Понял, шестой! У вас хаос! – рявкнула рация. – Группа пошла! Поточнее можно?!

– «Пешеход» какой-то неправильный попался! – выкрикнул Алмаз, наблюдая, как Шатун приближается к мертвяку. – Первый, отбой!

Рация каркнула ещё что-то, насквозь непечатное, но Алмаз уже не слышал, привычно лова на мушку цель, продолжающую идти вперёд, вопреки всем законам, к которым жители Материка уже успели привыкнуть за последние три с лишним десятка лет. Прошедшие с момента Сдвига до сегодняшнего дня.

– Привет, вонючка. – В руках Шатуна, почти поравнявшегося с «пешеходом», материализовались два мясницких тесака, неуловимым для глаза движением, выхваченных из поясных ножен. Жмур, ведомый каким-то непонятным чутьём, махнул частично разложившейся конечностью в сторону верзилы.

Тесаки выписали в воздухе пару очаровательных в своей смертоносности кривых, и отрубленная по локоть рука, вместе с представляющей не самое гуманистическое зрелище головой, точнее – тем, что от неё осталось, шмякнулись в дорожную пыль. Тело, лишённое нескольких своих частей, продолжало жить, пытаясь достать Шатуна.

Громила изящным пируэтом переместился за спину «пешеходу». Тесаки скупно расплосовали пространство, и тот грохнулся на землю. Отсечённые по колено ноги в грязнувших, полуразвалившихся армейских ботинках постояли ещё пару секунд и попадали в разные стороны, продолжая дёргаться. Из отрубленных конечностей вытекала бурая, едко пахнущая жижа. Шатун подумал ещё чуточку и внёс дополнение, отделив от тела последнюю руку.

Опоздавшая к раздаче Лихо застыла метрах в трёх от копошащейся в пыли анатомии и высказала всё, что она думает о Шатуне, скорчившем из себя героя-первооткрывателя. Точнее – первоотрубателя. Речь была короткой, но образной. Слово «идиот», прозвучавшее в ней, было самым невинным и кротким. Броситься, как сопливый мальчишка, к неизученной опасности, размахивая тесаками... Идиот!!!

Со стороны поста уже неслась группа экстренного вмешательства. Пять мордovorотов, привычно ощупывающих прилегающую местность стволами автоматов, готовых разнести всё и вся в труху, в брызги, в атомы.

– Ну?! – Передний был немногословен.

– Вот... – Лихо показала на никак не успокаивающиеся (во всех смыслах) останки «пешехода».

– Едрить твою! – одним глазом продолжая пасти окружающую обстановку, а другим уставившись на подползающую к нему руку, описал увиденное командир ГЭВ.

– Точнее и не выразишься...

Старшой пнул добравшееся до его бедра предплечье и *значимо* поведаль в рацию:

– Андреич, у нас тут даже не хаос, тут вообще – хрен разберёт что! Сам бы глянул...

– Выдвигаюсь! – озадаченно донеслось из рации. – Отбой!

На пару минут воцарилась тишина, прерываемая лишь звуками пинков, загоняющих ползающие конечности обратно в общую кучу.

– Да это же... Это же... – Появившийся Книжник попытался пролезть поближе к тому, что ещё совсем недавно представляло из себя единое целое. – Быть такого не может!

– Пришёл Книжник, и всё сразу стало понятно... – ядовито хмыкнула Лихо. – А до твоего прихода полдня в умственных корчах бились: ах, что же случилось? Кто бы просветил?

– Он должен был сдохнуть ещё пять минут назад! – Не реагируя на сарказм Лихо, Книжник показал на продырявленный череп. – Чтобы «стиляга» – после такого – ещё что-то делал? Не может быть...

– Как категорично, – протянула Лихо. – Напиши об этом, издадим массовым тиражом. Получишь широкую известность и сногшибательный гонорар дядиным первачом. Как я завидовать буду-у...

Книжник вновь проигнорировал её высказывание, пытаясь по возможности вдумчиво исследовать шустрые останки. Шатун сгрёб его за плечо и поставил рядом с собой, выразительно указав пальцем. «Стой здесь, шаг влево, шаг вправо – сто отжиманий, шаг вперёд – двести». Очкарик покорно замер, продолжая пожирать глазами загадку, лежащую в полутора метрах от него.

– Что тут у вас? – Коренастый мужичок – лет под шестьдесят, беспросветно седой, в поношенных кроссовках и, как и все тут собравшиеся, в камуфляже – быстрым шагом приближался к ним. В манере держаться, в жестах, во взглядах коренастого легко угадывался человек, в руках которого сходятся почти все нити здешней жизнедеятельности. Лидер, авторитет, *твёрдая рука*. Человек, способный и принять решение, и признать свои ошибки. Если надо – ответить за них *всецело*.

– Дядя... Игорь Андреич! – вскинулся Книжник, ожидая, что вот именно сейчас ему разрешат всё-всё-всё. – Скажите им...

– Эмоции отставить! – сухо скомандовал Андреич. – И марш на пост, там один Алмаз остался. Оголённый пост – это что, порядок?

Поняв, что вышесказанное относится лишь к нему, Книжник окончательно сник и, провожаемый невинно-издевательскими взорами Лихо, побрёл назад.

– Ебулдыцкий шапокляк... – смятенно и зло выдохнул коренастый, впившись взглядом в ползущую по земле руку. – Значит, Железяка мне не пионерскую страшилку лепил. Всё один в один... А я-то, старый хрыч, решил, что он меня на старости лет на доверчивость решил прощупать, поухохатываться. Не было печали, ебулдыцкий шапокляк!

– Давно это было? – поинтересовалась Лихо, прессуя его взглядом. – Не юли, Андреич, всё равно душу выну, не отвертись. Выкладывай.

– Четыре дня назад, – кривя губы, ответил коренастый. – Ага, точно...

– Это когда ты в Замурино наведывался? – въедливо уточнила Лихо, морща лоб, словно припоминая что-то. – У Митрича как раз какой-то приступ случился, нестандартный.

– В десяточку, – как-то потерянно сказал Андреич и распорядился: – Ну закопайте этот вечный двигатель, что ли... Не оставлять же на виду. Ебулдыцкий шапокляк!

– Затихает, – вдруг сказал молчавший до этого Шатун. – Точно, затихает...

Руки, ноги и туловище шевелились всё слабее и слабее и через минуту затихли совсем. Один из гэвэшников ударил носком берца по ближней к нему конечности, но та не отреагировала.

– Ну, слава яйцам! – выдохнул командир ГЭВ и мелко, быстро перекрестился с видимым облегчением. – Я уж думал, живее всех живых, и далее по тексту... Микасов, сгоняй за лопатой, работа появилась.

Один из мордovorотов пошёл к блокпосту, Шатун с Лихо постояли ещё немного и потопали следом.

– Что там? Как там? – Неугомонный Книжник уставился на них, ожидая новых подробностей.

– Сдох! – просветил его Шатун, начиная чистку тесаков. – Полностью.

– Тебе привета передать не просил, ты уж переживи это как-нибудь... – добавила Лихо и принялась бродить взад-вперед, сосредоточенно шевеля губами, словно пытаюсь сложить воедино лишь одной ей известные кусочки головоломки.

Алмаз ничего присовокуплять не стал, а просто сидел, глядя, как вдалеке начали выкапывать последнее пристанище безымянного мертвяка. Запинав в наскоро вырытую могилу разрозненные части организма, гэвэшники забросали их землёй и утоптали всё берцами, делая вид, будто так и было.

Ещё через пять минут горизонт стал чист и спокоен.

– Сдаётся мне, настала эпоха перемен, – подытожила Лихо спустя пять минут. – И перемены эти будут ни шиша не позитивными. А вовсе даже наоборот...

Мужская часть дозора переглянулась и разом посмурнела. Вот чего-чего, а говорить такие вещи ради самого процесса говорильни Лихо бы не стала *ни при каких* обстоятельствах. И что самое поганое – всё сбывалось, от первой и до последней запятой. Ну не ошибалась Лихо, точно так же, как и Алмаз никогда не промахивался.

Лихо, Алмаза и Шатуна объединяло одно. Все они родились тридцать пять лет назад – в один и тот же день. В день Сдвига. В разных городах (пусть и в соседних областях), чтобы восемнадцать лет спустя оказаться здесь, в небольшом посёлке, находящемся в местности, что ранее носила название Ленинградской области. Собственно, она и до сих пор являлась Ленинградской областью, в нынешнем, две тысячи пятьдесят седьмом году. Но после Сдвига, в связи с резким сокращением численности проживающих на её территории

и ещё некоторых, сугубо негативных факторов, официальное название незаметно уступило место новому – в принципе довольно точно отражающему истинное положение дел. Тихолесье.

В Тихолесье действительно было относительно спокойно. Нет, конечно – «пешеходы», «кляксы», «камнерезы», «свистопляски» и прочие последствия Сдвига на территории Материка, да и за его пределами, водились везде. Но, как признавали многие, до сих пор умудряющиеся более-менее адекватно дышать в две дырочки под преимущественно розоватым солнцем этого мира, Тихолесье было одним из самых спокойных мест.

Лихо, Алмаз и Шатун были одними из немногих представителей того племени, которое получило в название короткий и выразительный термин. Нет, не «сдвинутые». «одарённые».

В ночь, когда грянул Сдвиг и гигантская коса безносой примадонны прошла по висящему в космическом пространстве шарикю с шальной непринуждённостью, выкашивая жизни вдоль и поперёк, с какой-то непостижимой, жутчайшей логикой закладывая мину замедленного действия в экологию и много чего ещё, они появились на свет. И выжили. Получив в довесок то, что действительно можно именовать «даром». Причём не одним.

Алмаз, помимо способности стрелять из чего угодно, в каком угодно положении и не промахиваться: умел метать всё, что только можно, – ножи, топоры, иголки... да хоть конечность дедушки Ленина, указывающую на верную стезю, ведущую к мировой революции. Дополнительные карманы на его куртке и штанах были заполнены всякой метательной всячиной. Вроде самопальных сюрикенов, прозаических гвоздей и небольших – сантиметров в семь-восемь заточек. И он всегда гарантированно попадал в цель. Отсюда и появилось прозвище: «глаз – алмаз». Человек без промаха.

Шатун обладал восхитительной реакцией и был очень быстр – несмотря на свои внушительные габариты супертяжеловеса. Это были просто феноменальные данные. Настолько – что становилось ясно: это действительно дар.

Второй способностью Шатуна был очень высокий болевой порог. Конечно, если он, по какой-то прихоти судьбы, трескал молотком по пальцу, то не изрекал по поводу этого события цитату из «Государя» Макиавелли. Но и не тряс поврежденной частью тела, выражаясь экспрессивно и нецензурно. Силушкой природа его тоже не избидела, но здесь не было замечено ничего запредельного – просто бугрящийся мускулами бугай. Способный на многое, но не из такого, что могло бы вызвать изумление и навести на ещё одну мысль – об аномальном происхождении силовых данных. Шатуном его прозвали исходя из выражения «ушатает кого угодно» и внешних данных. Медведь, вставший на дыбы, немного побритый, умеющий разговаривать и носящий в поясных ножнах два мясницких тесака.

Лихо умела распознавать ЛЮБУЮ ложь, даже самую мизернейшую. Не по физиологическим реакциям собеседника – а каким-то особым чувством, доступным только ей одной. Алмаз как-то подметил, что, как только в словах собеседника появлялась *муть*, сапфировые глаза Лихо начинали заволакиваться какой-то неживой, сероватой дымкой. Своеобразная реакция на ложь. Следующей реакцией, если к тому же брехали беспардонно и не думали прерываться в ближайшие пятнадцать, максимум – тридцать секунд, бывала пара фирменных тумачков от Лихо. После которых в корень изолгавшийся индивидуум понимал всю пагубность сказанного ранее и незамедлительно раскаивался, если не был слишком упёртым и непонятливым. Если же был... То такому, после вдумчивого разъяснения его неправоты, сопровождающегося умеренным членовредительством, присваивали прозвище «хлебнувший Лиха». Рукопашкой блондинка владела отменно, и до *сложного* членовредительства дело, как правило, не доходило. К тому же в девяноста процентах случаев рядом были Шатун с Алмазом.

Помимо всего этого, Лихо умела видеть с закрытыми глазами, правда, не более пары минут. С закрытыми, завязанными и так далее.

Ну и последний её дар, который, в принципе, и даром-то назвать язык не поворачивался, имел необычное свойство, от которого она и получила своё прозвище. При необходимости Лихо умела взглядом вызывать сильнейшую боль в любой части тела. Пусть и недолгую. И у неё самой, после применения этого дара, тоже случались короткие приступы жуткой головной боли: что-то вроде отдачи за причинённый вред. Ввиду этого своим третьим даром Лихо пользовалась в исключительных случаях. Для защиты себя и близких ей людей.

Осознание того, что природа одарила Лихо щедрее, у Алмаза с Шатуном не вызвало никаких негативных эмоций. Одному залетному, рискнувшему проехаться насчёт неравномерного распределения природных льгот присказкой: «Мужику шиш и корку, а п...де – бриллиантов с горкой», – реактивно прилетело от Шатуна напрямик в ухо. Пусть и вполсилы, но всё равно – чудом не оторвав неразумную головушку.

Книжник... Книжник родился на семнадцать лет позже неразлучной троицы и в какой-то мере тоже был редким экземпляром, учитывая то, что из десяти детей, зачатых после Сдвига, пять рождались или мёртвыми, или с признаками мутации. Более или менее выраженными. Книжнику повезло. Он родился нормальным и получил в подарок от уже прилично искорёженной к тому времени природы Материка способность запоминать *всё*, что с ним происходило, всё, что видел или слышал. Как будто у него в черепушке стоял безлимитный винчестер, сохраняющий всю информацию. На особо важных встречах Андреича, дяди Книжника, по красноречивому прозвищу Глыба, бывшего неформальным (а формальных не водилось уже давненько!) главой Суровцев, Лихо и Книжник присутствовали неизменно. И в том, что посёлок Суровцы был одним из самых идиллически спокойных местечек Тихолеся, их заслуга была неоспоримой и неоценимой. Ведь даже после жуткой аномалии Сдвига и появления крайне агрессивно настроенных к людям существ сами люди так и остались опаснейшими и непредсказуемыми персонажами на раскуроченной Сдвигом планете Земля.

Суровцы стояли на распутье, в них сходились несколько дорог, ведущих к более крупным поселениям, и новые люди здесь не были редкостью. Кто-то оставался в посёлке навсегда, привлечённый преимущественно царившим в нём спокойствием. Но это случалось не часто. Андреич устраивал желающим осесть здесь самый настоящий допрос с участием Лихо. И если концы не сходились с концами – хоть на йоту, желающим получить вид на жительство мягко, но непреклонно советовали поискать другое местечко. Переубедить Глыбу не удавалось ещё никому, хотя бы по причине постоянного присутствия в Суровцах трёхсот вооружённых людей, готовых на всё ради поддержания образцового порядка в родном доме.

Криминалитет Материка, рискнувший хоть раз сунуться в Суровцы, где было чем поживиться, получал по мордам – и всему, что ниже этого: жёстко и молниеносно. Любители лёгкой наживы и прочая шелупонь, желающая жить широко и затейливо за счёт других, не навевалась сюда ни за какие медовики, каким бы слоем чёрной икры они ни были обмазаны. Слово «Суровцы», произнесённое в лихой компании, независимо от её крутизны, произвольно и однозначно вызывало стойкую аллергию. Как говорил классик, «он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог...». К Андреичу это относилось в полной мере.

Глава вторая

Облака сменили цвет на бежевый – близился вечер. Книжник, порывавшийся куда-то бежать и что-то предпринимать, наконец-то успокоился и сидел, уставившись в одну точку. Наверняка страдая от всей души, что его не хотят воспринимать всерьёз. Точку в его метаниях поставила всё та же Лихо, бросив словно невзначай:

– Сиди, герой-одиночка... От тебя сейчас толку – как от снеговика без морковки в женском монастыре. Сиди, читай свою фэнтезию. Без тебя решат, что делать. Понадобишься – позовут.

Прошло пять минут.

– А я читал, что до Сдвига... – открыл рот Книжник, которому надоела роль оскорблённого рыцаря и захотелось простого человеческого общения, – до Сдвига на каждого человека приходилось...

– Тссс! – Лихо сделала знак замолчать, и Книжник послушно заткнулся, закрутив головой, пытаясь определить, что же вызвало такую реакцию блондинки.

– ...гите! – донеслось со стороны лесного массива, находящегося примерно в трёхстах метрах от Суровцев. – ...орее!

Из леса показались две человеческие фигуры, старающиеся передвигаться как можно быстрее. Что получалось неважно, поскольку один тащил на себе другого.

Алмаз вскинул «калашников», в оптику рассматривая приближающиеся фигуры. Опрометью бросаться на помощь никто не спешил. Зуб на Суровцы имело изрядное количество всякой погани, и не факт, что это не было манёвром, с помощью которого население посёлка пытаются сократить на четыре единицы. Из чистой сволочности. Прецедентики бывали, чего уж там...

Шатун напряжённо таращился в бинокль, тоже пытаясь вникнуть, насколько правдивой выглядит ситуация. Судя по его молчанию, ничего подозрительного он пока что не нашёл.

– Помогите, мать вашу! – истошно заорал тот, который передвигался на своих двоих. – Загнёмся же, падлы!

– Герман! – Узнав голос идущего, Книжник подпрыгнул в сидячем положении. – Да что вы тормозите-то?! Герман, я иду!

Он соскочил со скамеечки на землю, вознамерившись припустить в сторону леса. Шатун сграбастал его за шиворот, швырнул в объятия Лихо, поймавшей Книжника на приём и посадившей на место. Книжник скривился от боли и чуть присмирел.

– Герман, точно... – Алмаз опустил автомат и посмотрел на Лихо. Шатун согласно кивнул и, приняв однозначное решение, спрыгнул на дорогу со своего лежбища.

Приглушённо хлопнули выстрелы. Герман, высокий, сутуловатый человек, лет пятидесяти с хвостиком, палил в кого-то, пока ещё невидимого для друзей, но наверняка опасного. Одной рукой придерживая безвольно повисшего на нём человека, другой безостановочно жал на спуск своего «стечкина», с которым не расставался даже в местах общего пользования. Обойма кончилась.

– Шатун, сволочь, давай сюда! – яростно взвыл Герман, издали узнав приметную фигуру. – Там...

Последнее слово заглушили выстрелы Алмаза.

– Шипач! – охнула Лихо, увидев то, что выскочило из леса вслед за Германом. – Шатун, пошёл!

Шипач был гибридом кабана и ещё какой-то тварюги, прибавившей к звериной мощи парнокопытного торчащие во все стороны изогнутые шипы длиной сантиметров в десять.

Придававшими ему сходство с дефективным кактусом. Но даже не шипы делали его опасным. А то, что вследствие мутации его шкура приобрела поистине пуленепробиваемую крепость. Разве что бегал он раза в два медленнее настоящего кабана.

«Хамелеоны» на груди всех четырёх вспыхнули радужным сиянием, Шатун рванул с места под аккомпанемент выстрелов. Двести с лишком метров обычный человек пробегает секунд за тридцать – тридцать пять. Громила уложился в двенадцать.

– Первый, у нас тревога! – взволнованно частила в рацию Лихо. – Первый, тревога! Нужна помощь, как слышите?

– Помощь идёт! – мгновенно отозвалась рация. – Что у вас опять? Два «пешехода»?

– Шипач! – Лихо рявкнула в рацию так, что у собеседника неминуемо должно было заложить уши. – И Герман-Знаток, кого-то на себе прёт, как поняли?!

– Ебулдыцкий шапокляк... – родилось в эфире любимое изречение Андреича. – Да что за день такой сегодня! Держитесь, ребята на подходе!

Вслед за первым шипачом из леса появились ещё два. Следом за этим последовала пара синхронных падений челюстей – Лихо и Книжника. Шипачи никогда не собирались в стаи. До сегодняшнего вечера.

Алмаз завалил первого – пули вошли точно в единственное, наверное, уязвимое место: в глаза. Громадная туша завалилась на бок, ломая шипы. Шатун поравнялся с Германом, перебрасывая его ношу себе на плечи. Герман мгновенно перезарядил «стечкина» и яростно начал давить на пуск, сдерживая оставшихся шипачей. Шатун рванул обратно.

Пистолет Германа замолчал, патроны снова кончились, и на перезарядку времени уже не оставалось. Шипачи неслись к нему спятившими бронепоездами, гонящимися за призраком коммунизма. Герман отпрыгнул влево, понимая, что все эти увёртки и финты так же бесполезны, как чтение древнерусских былин во время Всплеска. Но инстинкт самосохранения был сильнее.

Шипачи не удостоили телодвижения Германа ни малейшим вниманием, промчались мимо, чудом не задев застывшего в нелепой позе человека. Им нужен был Шатун, точнее – человек, которого тот тащил на себе.

Алмаз завалил ещё одного, самого здоровенного, но выцелить третьего надёжно не получалось, его загоразивал приближающийся к посту Шатун. Коротким прыжком поменяв диспозицию, Алмаз вскинул «калаш», превратившись в оружейный механизм, наводя прицел не взглядом, а каким-то шестым, девятым, сотым чувством, осознавая, что всё равно не успеет – на миг, на...

– А-а-а-а-а!!! – Крик Книжника слился с длинной, на весь рожок, автоматной очередью. Очкарик каким-то образом умудрился вырваться из захвата Лихо и, подхватив её оружие, навёл шороху. Опередив Алмаза на чуть-чуть: бестолково, суматошно, но именно он спас Шатуна от удара со спины.

Часть пуль улетела куда угодно – в небо, в землю, в «молоко», чуть не зацепив Германа, ошалело взирающего на всю эту вечеринку с шипачами. Лихо только успела ахнуть совершенно растерянно, не ожидая такой впечатляющей прыти от субличного коллеги, и сейчас лишь наблюдала за попытками Книжника обуздать убойную приспособу. Автомат прыгал в его руках, как живой, норовя вырваться. Но последнего шипача всё же припечатали несколько свинцовых «приветов», сбив с ритма. Алмаз довёл ситуацию до логического завершения, и последний монстр, словно споткнувшись с разбегу о невидимую преграду, прекратил своё существование.

– Отдай погремушку тёте. Поигрался, и ладненько... – Лихо осторожно взяла Книжника за плечо. – Давай, давай.

Тот с трудом разжал пальцы, каким-то диким взглядом обшаривая пространство впереди себя, ненадолго задержав его на последнем шипаче, лежащем всего в десяти метрах от поста.

– Вот и чудненько... – Лихо забрала у него оружие и вlepила оглушительную пощёчину, приводя в чувство. – Соберись, супермен. Взят себя в ручки, оперативненько, иначе я тебе ещё добавлю, без всяких сантиментов. Не посмотри, что Шатун спас... Ну?!

Книжник сглотнул вязкую слюну и посмотрел на Лихо уже почти осмысленным взглядом, восстанавливая гармонию души и тела. Блондинка удовлетворённо кивнула и отошла туда, где Шатун уже укладывал на сложенные бруствером мешки с песком притащенного на пост незнакомца. Тот был в сознании и взором, аналогичным тому, который присутствовал у Книжника совсем недавно, глядел на своих спасителей. Шатун, Лихо и Алмаз сгрудились около него, пытаясь определить, не сошёл ли он с ума на самом деле.

– Никогда не хотел вытаскивать из собственной задницы никакие элементы шипача. – Подошёл чудом спасшийся Герман и посмотрел на всех с благодарностью человека, избежавшего не самого гуманистического кирдыка. – Если, конечно, задница уцелеет после такого контакта. Алмаз, Шатун, с меня причитается. И даже не спрашивайте – сколько, я сам таких затрат представить не в состоянии...

Герман был довольно редким теперь представителем племени вечных странников. Он не мог сидеть на одном месте, обрастая домашним скарбом, наращивая жирок на пузе. Учитывая экстремальность наступивших времён и маршруты Знатока, которые он иногда выбирал скорее для удовлетворения своего любопытства, чем для сугубо практических целей, вечный бродяга был просто дьявольски, запредельно везучим. Он обошёл большую часть Материка, в некоторых местах, куда бы Лихо с друзьями не сунулась ни за какие блага, побывав не единожды, вынеся оттуда богатейшие знания о новой реальности. И кучу полезных сведений, коими он делился с любым желающим, вызывающим у него симпатию. Книжник был одним из них.

Несмотря на тягу к дальним странствиям, он всегда, как минимум – раз в год, возвращался в Суровцы, которые стали для него чем-то вроде тихой гавани, где можно было расслабиться и поднакопить сил для дальнейших путешествий.

– Откуда он? – прервала Лихо расшаркивания Германа перед своими спасителями. – Он с тобой сначала был или меня мои глазоньки надувают самым бесчеловечным образом?

– Был! – тряхнул головой Знатока. – Я же от этого не отказываюсь, радость моя. Только знаю я не больше вашего, да-да...

– Это почему?

– А потому, прелесть моя, что этот вот лежащий перед нами субъект в буквальном смысле свалился мне на голову четверть часа назад.

– Как свалился? Откуда? – Шатун оторопело посмотрел на Германа, потом снова перевёл взгляд на незнакомца. Тот, полное впечатление, приходил в себя, взгляд стал более пристальным, осознанным.

– Сверху... – Герман бесстрастно показал пальцем в небо, и цепко наблюдавшая за ним Лихо покачала головой, отвечая на немой вопрос Алмаза: «Не врёт».

– И?

– Что «и»? Что «и»? Иду по дороге, никого, что характерно, не задеваю. И вдруг – бах-чух-шарах! – вспышка над головой, и выпадает этот. Откуда, зачем, почему именно передо мной, а не перед вашим Глыбой в момент справления малой нужды – спрашивайте сами!

– А ты что?

– А что я? – иронично-страдальчески сморщился Герман. – Расспросил у него про папу-маму, про домашних животных, не болит ли животик, за кого голосовал до Сдвига. И не смотри ты на меня, Лихо, *насквозь*: знаю, что детектор лжи по сравнению с тобой – сущее

недоразумение. Он, когда падал, организмом о дерево приложился, вон, видишь, бок у него какой красивый, в пору вашего Айболита звать, а не из меня душу вытягивать...

– Никто из тебя душу не вытягивает. – Лихо кивнула Шатуну, и тот стал бубнить в рацию, вызывая первого. – Ты сам, своим словоблудием, у кого хочешь мозги наизнанку вывернешь, болтолог, ёпт...

Со стороны посёлка показались гэвэшники, мчащиеся во весь опор, но, увидев идиллическую картину беседы, сбавили темп.

– Потацил я его, – продолжил Знаток, не обращая внимания на выпад Лихо. – А что, надо было бросить? Одним безымянным жмуриком больше, одним меньше – абсолютно ведь без разницы, а? Или всё-таки нет? А расспрашивать времени не было, не успели с места сдвинуться, как шипачи в компанию попросились. Дальше продолжать? Только ничего ты, красивая, не выпытаешь, точно тебе говорю. Не потому, что я такой хитрован, а потому, что все рассказал как есть. Да, впрочем, ты и сама это уже знаешь...

– Знаю, – хмуро сказала Лихо. – Только не нравится мне всё это...

– Зато, можно подумать, я в экстазе! – всплеснул руками Знаток. – Иду, понимаешь, и всегда мне хочется, чтобы кто-нибудь с неба шваркнулся. Звезданулся, но непременно не до смерти, у меня ведь хребет постоянно чешется – ах! – как это, никого на него не взгромоздил, не пронёс верст эдак с десяток... Иначе день будет истрачен бездарно и бессмысленно. Хобби у меня такое, я ведь тебе все уши про это прожужжал, а, радость моя? Я, конечно, понимаю, что у меня больше с Книжником диалог выстраивался, а с вами как-то не очень. Но ты же умная девочка, знаешь, что от меня за все семнадцать лет, что вы тут обретаетесь, никаких хлопот не было. Или я не с тобой десять лет назад от вихревских полночи бок о бок отстреливался? Или у меня провалы в памяти на старости лет образовались?

– Да нет никаких провалов, – примирительно призналась Лихо. – Но витает что-то такое в воздухе, морально придавливать начинает. Не нравится мне это. Да ещё «пешеходы», которых с одного правильного выстрела в горизонтальное положение без последующих плясок не перевести. Шипачи ещё эти... Ты, Герман, видел когда-нибудь, чтобы шипачи больше одного бегали? Я – нет.

– Аналогично, – вздохнул Знаток. – Шастает что-то эдакое, расплывчатое. Однако ж – без всякого ощущения, позитивом прозываемого. Есть соображения?

– А нет никаких соображений, – поджала губы Лихо. – Одни только хреновые предчувствия, причём стойкие до отвращения... Может, этот твой «выпаданец из неизвестности» ясность внесёт?

– Может, и внесёт...

ГЭВ приблизилась к посту, вопросительно глядя на собравшихся. Герман приветственно взмахнул рукой, увидев знакомые лица.

– Весёлое у вас сегодня дежурство, – начал главный. – То одн...

«Хамелеоны» в буквальном смысле слова взвыли радужным переливом, не побеспокоив только незнакомца, у которого «хамелеона» просто-напросто не было. Земля под ногами мелко завибрировала, словно что-то массивное прорывалось наружу, на свет.

– Берегись! – Герман сориентировался первым, отпрыгнув как можно дальше.

Все остальные кинулись врассыпную, подальше от новой опасности. Шатун замешкался, стаскивая незнакомца с мешков, и земля у него за спиной вздыбилась, крупные комья полетели в разные стороны, один вскользь задел спину.

С боков заорали что-то предостерегающее, тревожное. Шатун обернулся.

Перед ним извивался толстый торчащий из земли червь, где-то с метр в диаметре. В нос здоровяку шибануло сладковатым запахом фиолетовой слизи, покрывающей тварь сверху донизу. Пульсирующие уродливые вздутия, расположенные по всему туловищу самым причудливым образом, четыре пары внушительных продолговатых то ли клешней, то ли чего-

то схожего и верхушка, покрытая небольшими, но очень твёрдыми даже на вид наростами, имеющими конусообразную форму, завершали картину.

Шатун, продолжая левой рукой тащить незнакомца, правой потянулся за тесаком, хотя против этого мегаопарыша лучше всего подошёл бы двуручный лазерный меч.

Тварь метнулась вперед так стремительно, внезапно, что если бы на месте Шатуна оказался кто-нибудь другой... Шатун ушёл с линии атаки, тесак рыскнул в воздухе, встретив – и проскочив препятствие. Клешня, отрубленная под самый «корень», упала на землю. Червь дёрнулся, отпрянул в сторону.

Шатун сдёрнул человека с мешков, убирая из зоны возможного поражения.

– Ноги! – раздался чей-то истошный вопль, и, отпустив незнакомца, верзила взмыл в воздух задним сальто, спасаясь от удара. Внизу клешня рассекла воздух, Шатун разминутся с ней на волосок, на мизер. Сбоку ударила автоматная очередь, тварь поймала всю скормленную ей обойму, но это не остановило её. Шатун остался невредим, и предназначенная ему пара клешней прошла по руке лежащего на земле человека, распахивая её от предплечья до плеча. Незнакомец заорал, жутко, безостановочно.

В червя начали палить уже все, фиолетовые брызги летели вкривь и вкось свихнувшимся конфетти. Тварь дёргалась, как марионетка, управляемая обезумевшим кукловодом. Шатун, благоразумно упавший на землю, отползал из-под обстрела, волоча за собой пострадавшего, продолжающего орать, как заведённый.

Тишина наступила резко, словно на стрекочущий автоматными очередями мир набросили звуконепроницаемое покрывало, разом прервав какофонию. Незнакомец сбавил децибелы, подвывая сквозь зубы.

– Готов, – неожиданно пискляво сказал кто-то. Шатун, успевший отползти метра на четыре, оглянулся.

Тварь слабо шевелилась, успев наполовину забраться обратно в землю. Но в её шевелении уже не было той энергичности, нахрапистости: она делала это на исходе сил.

– Готов, – эхом повторил кто-то, кажись Герман. Шатун поднялся на ноги, отряхиваясь. Червь лежал безвольной фиолетовой кишкой, сладковатый запах усиливался.

Глава гэвэшников осторожно подошёл к червю и ткнул носком берца в один из наростов.

– Сдох.

– Что тут у вас?! – Вдалеке показался Андреич-Глыба. – Герман, ты, что ли, весь этот перепляс подогнал? Стрельбы на весь посёлок, я уже решил, что Калёный явился – мне счёт за битую в прошлом месяце личность выдвигать. Ебулдыцкий шапокляк, да что за день такой, ни минуты покоя...

Никогда не упускающий возможности ввязаться в дискуссию Знаток бросился к лежащему на земле, глухо стонущему незнакомцу. Осмотрел его руку. Поднял злое и напряжённое лицо на Лихо.

– Если хотите хоть что-нибудь вытрясти из него по поводу и без повода, начинайте прямо сейчас! Ему осталось не больше часа, потом будете через спиритическое блюдо хором канючить, неизвестно у кого – расскажи да расскажи. Чего встали? Бегом!

Андреич врубился в расклад с ходу, и через четверть минуты двое кряжистых гэвэшников уносили потенциального жмура в посёлок. Лихо и Книжник шагали рядом с Андреичем, внимающим чётким пояснениям Лихо, временами осаживая влезавшего в доклад Книжника, с его сумбурными пояснениями.

Алмаз, Шатун и Герман остались втроём. Громила подошёл к лежащей на земле твари и задумчиво уставился на неё.

– Что это было? – Вопрос Алмаза был адресован Знатоку. – Я такого фаллоса с клешнями ещё никогда не видел, хотя вроде и не вчера родился. Просвети, ты вроде кумекаешь, что к чему...

– Это могильщик. – Герман почесал переносицу. – Кто-то называет «земляным крабом», но это уже лирика. Они в этих краях почти не водятся, чаще южнее. На кладбищах зачастую шалют, поэтому и могильщики. На живых нечасто нападают, но, уж если проголодается, может. А что он здесь забыл, именно в это время, знать бы... Такое ощущение, что шипачи, да и этот подземный фрукт, не просто так объявились напомнить о своём существовании.

– А с этим, который без роду без племени, что? Ну, выпавший с небес или откуда там... – Алмаз присел на скамеечку, лёгкий мандраж начинал трясти тело. Пусть ты «одарённый» хоть от кепки и до стелек, но простые человеческие эмоции были, есть и будут.

– А ничего, – скучно ответил Герман. – Сквозанёт в мир иной бесплотным духом, только его и видали. Если могильщик хоть царапиной наградит – пиши завещание, пока не скрючило. Ядовитая, паскуда, просто сил никаких нет, а противоядий – и подавно... А уж ему конечность до кости развалило, что с ним к вечеру будет – смотреть не советую, особенно нервным и впечатлительным. Распухнет так, похлеще башки после Глыбовой самогонки...

– Понятно, – кратко резюмировал Шатун, отходящий от существа, едва не оставившего его без ног.

Герман отправился в посёлок. Через полчаса, проведённых в гробовом молчании, на пост пришла смена. Шесть человек, вооружённые не то что до зубов – по самое темя.

– Вы чего это? – Алмаз уставился на прибывших. Вопрос был скорее риторическим, ответ он и так знал с вероятностью в девяносто девять с половиной процентов.

– Глыба усиленный режим объявил. – Один из сменщиков состроил кислую мину, показывая, что все эти нововведения ему совсем не по нутру. Остальные вразнобой, согласно закивали, подтверждая сказанное.

– У вас тут, говорят, сегодня насыщенный день был? – Самый молодой из дозорных с любопытством посмотрел на Шатуна, на Алмаза. – Гэвэшники как дурные туда-сюда бегали. Земля тряслась, я уж думал, что второй Сдвиг начался...

– Был, – коротко отрубил Алмаз, никоим образом не собираясь устраивать спектакль, коряво изображая могильщика и прилагающуюся к нему зубодробительную канитель. – Надеюсь, что у вас такой ночи не будет. Смотрите в оба. Пошли, Шатун. Расслабим организм на ночь глядя. Заслужили.

Друзья пошли в посёлок. Каждый думал о своём, не говоря ничего. За семнадцать лет, проведённых в почти каждодневном контакте, любой из них мог с большой долей вероятности предсказать, что думает другой. А уж сегодня – и подавно.

– Дела неважные, – задумчиво, но, впрочем, без особого уныния, сказал Алмаз. Шатун согласно кивнул.

Посёлок встретил их обычной суетой, в которой всё же ощущалась некоторая напряжённость. Двойная беготня ГЭВ не осталась незамеченной, и по Суровцам поползли слухи, обрастающие самыми невероятными подробностями.

– Сука! – Из дверей бывшего Дома культуры, а нынче – гибрида штаб-квартиры Андреича и мэрии – трое гэвэшников вытаскивали бешено матерящуюся Лихо, вслед за которой выскочил пребывающий в насквозь растрёпанных чувствах Книжник. – Мразь! – Блондинка махнула рукой, и один из гэвэшников схлопотал по скуле, свирепо, звучно. Двое других, на пределе сил удерживающие Лихо, пихнули её со ступенек, и она пролетела вперёд, на землю, ухитрившись удержаться на ногах. Развернулась, сверкая глазищами, что твоя богиня войны. Но дверь, из которой её только что негалантно выперли, захлопнулась, лязгнув засов, делая проникновение внутрь невозможным. – Пустите, уроды! – Лихо бросилась обратно,

яростно пнула ногой в низ тяжелой дубовой створки. – Я этой паскуде глотку перегрызу! Мразь! Подонок!

Шатун с Алмазом ошарашенно переглянулись и бросились к Лихо для прояснения происходящего. Не нравящегося им ещё больше сегодняшних агрессивных рок-н-роллов с представителями фауны Материка. Книжник растерянно топтался рядом, не зная, что делать. Вид у него был насквозь невменяемый.

Увидев бегущих в их сторону Шатуна и Алмаза, он бросился к ним, потом дёрнулся к Лихо, заметался. Одним словом, вовсе демонстрировал полную потерю самообладания.

Лихо, ещё пяток раз смачно приложив по двери носком армейского ботинка, отошла от неё и присела на корточки, закрыв лицо ладонями. Плечи её затряслись. Лихо, никогда не сдающаяся, никогда не упускающая возможности пошутить в самых безвыходных на первый взгляд *экссесах*, – плакала.

– Ну ты что... Не надо, Лихо... – Книжник, ссутулившись, переминался рядом с ноги на ногу, не зная, что предпринять. Положил руку ей на плечо, стараясь успокоить. Лихо уткнулась лицом в руку очкарика и разрыдалась в голос, не стесняясь никого.

– Лихо... Придумаем что-нибудь, обязательно. – Книжник присел рядом, заглядывая в лицо, уже сам готовый разрыдаться. – И не из таких передрыг выбирались...

– Суки, – сквозь стиснутые зубы сказала Лихо, начиная вытирать слёзы рукавом. Снова превращаясь в ту цельнометаллическую амазонку, способную при надобности вывернуть шипача наизнанку голыми – или даже переломанными – руками.

Алмаз с Шатуном приблизились, понимая, что самое большое потрясение в этот день было не час назад, а только что. И смутно предчувствуя, что это ещё не все.

– Что стряслось? – Шатун не стал ни с кем нянькаться, приводя в душевное равновесие. Лихо уже почти оклемалась, а Книжника достаточно было легонько потрясти за шиворот, сделав соответствующую физиономию.

– Книжник, расскажи, – бесцветным голосом велела Лихо. – У тебя поглаже получится. Один хрен, я всех деталей не запомнила, а уж тем более когда меня накрыло по полной программе... Только без излишеств. Чётко, по существу.

Книжник подобрался, взгляд у него стал отрешённым, словно ему предстояло вспомнить нечто, не способное принести никаких положительных эмоций. Но крайне необходимое.

– Что такое параллельные миры, знаете? – Вопрос был задан сразу обоим: и Алмазу, и Шатуно. – Или краткий экскурс проводить придётся?

– Примерно, в общих чертах и где-то около, – кивнул Алмаз. Шатун тоже взмыкнул что-то утвердительное.

– А больше и не надо, – поправил сползшие на кончик носа очки Книжник. – Я тоже постараюсь обойтись без специфических терминов. Параллельные миры существуют независимо друг от друга, и события, происходящие в каждом из них, влияют на ход истории, творящейся только в этой вселенной, никоим образом не затрагивая других. Понятно объясню или ещё проще надо? Хотя куда уже проще...

– Нормально, – пробасил Шатун.

– Лады... Для полноты картины добавлю, что путешествия в параллельные миры теоретически возможны, но на практике – увы... А вот теперь представьте, что два мира всё-таки пересеклись! Даже не пересеклись, а соприкоснулись. Ненамного, но плотно. Так, что образовалась некая лазейка, дыра – называйте, как хотите, – через которую из одного мира в другой утекает энергия.

– Всплеск! – уверенно сказал Алмаз и выругался – длинно, затейливо. – Из этого чулана барабашка?

– Точно. – Книжник pokrивил губы, точь-в-точь как его дядя. – И многие из прочих «восторгов жизни», которые мы наблюдаем уже четвёртый десяток лет. Представьте себе паразита, живущего за счёт другого организма, тянущего у него жизненные силы. И не сказать что совсем уж гуманными дозами.

– Я так предполагаю, что мы не в роли паразита, – буркнул Шатун. – Скорее уж наоборот...

– Разубеждать не буду. – Очкарик криво и очень зло усмехнулся. – Хотя бы потому, что всё так и есть. Самым доподлиннейшим образом...

– А этот, жертва могильщика, откуда? – Алмаз сделал неопределённый жест, явно относящийся к тем самым параллельным мирам. – Спасти нас явился?

– Если бы... – Голос Книжника приобрёл какую-то странную интонацию, не сулящую никаких бесплатных коврижек. – И все коврики в Суровцах вытрясти заодно. Спасатель, бя...

– Себя он спасти собирался. – Лихо посмотрела на них снизу вверх застывшим, почти безжизненным взглядом и повторила по слогам, как для непонятливых: – Се-бя. И точка.

– Стоп! – помотал головой Алмаз. – Дыра между мирами, мы в пролёте. Они, как я понимаю, – в аналогичной обстановке. Вселенские катаклизмы, бывает... Спасут себя, спасут нас. Какие проблемы? Помочь надо – поможем... У меня только в голове не укладывается – чего ты так взбеленилась?

Шатун согласно закивал, но в глазах стояло какое-то осознание, что полной картины им ещё не рассказали, остались какие-то шероховатости, что-то не сходилось, пробуксовывало...

– Это не катаклизм, Алмазик! – яростно выкрикнула Лихо и тут же подавила вспышку, продолжила, резко выговаривая слова, словно резала по живому – больно, неотвратимо: – Это они сделали...

– Они? – Друзья одновременно посмотрели на дверь, из которой до этого вытолкали Лихо. Та правильно поняла реакцию соратников.

– Не надо. Не поможет. Он уже плохой был, когда разговор заканчивался. Не стерпела душа, приложила я ему за все тридцать с лишком лет такой жизни. Сейчас отходит уже наверняка...

– Не знаю, как это у них получилось, – Книжник снова взял слово. – Но это была не случайность. Как мы все успели понять, в ходе расспроса, допроса – называйте как хотите! – в их мире были проведены целенаправленные действия, итогом которых стали известные нам последствия, называемые Сдвигом.

– Зачем они это сделали? – катая желваки по скулам и постукивая кулаком о бедро, спросил Алмаз. – Только не говорите мне, что у них чего-то не хватало и они решили запустить свои грабки в наши закрома. Без спроса и предупреждения.

– Нет, они хотели запустить объединённое производство монпансье. – В глазах Книжника плескалась невероятная смесь злости, отвращения и скрытого отчаяния. – И раздавать всем желающим в неограниченных количествах.

– Зачем? – с ноткой безысходности повторил Алмаз. – Почему?

– А потому. – Лихо поочерёдно посмотрела в глаза всем троим. Шатуна, Книжника и Алмаза натурально потрянуло от мысли о том, что Лихо могла бы сейчас сделать с теми, кто повинен в создании Сдвига, окажись он сейчас здесь. – Потому что они были гораздо более развиты, чем наша цивилизация. И вся энергия, которую они получили вследствие прорыва в наш мир, пошла на удовлетворение их нужд. Нас нагнули и поимели. Как уже справедливо подметил Алмаз – без спроса и предупреждения.

– А какой им смысл теперь возвращать всё обратно? – Шатун недоумённо посмотрел на Книжника. – Если мы им ничего сделать не можем, пользуйся на дармовщинку, пока желание есть...

– Логично, – процедил сквозь зубы Алмаз. – Гуманизмом, даже самым жиденьким и куцым, здесь не попахивает. Здесь что-то другое... Не встречал ещё представителя рода человеческого, способного добровольно отказаться от халявы. Особенно когда она в хвост и в гриву безопасная.

– Вывод правильный, – согласилась Лихо. – Ребятишки готовы были и дальше резвиться за чужой счёт. Да вышла нестыковочка – процесс загребания халявы выкинул побочный эффект. Не укладывающийся ни в какие рамки и допуски. Финиширующий в недалёком будущем. Но, к счастью, его можно остановить, и тогда состояние Сдвига, в котором мы пребываем по сей день, прекратится.

– Что за побочный эффект?

– Небольшой такой эффект, – ощерился Книжник. – Могущий накрыть всё медным тазом. И таз этот – габаритами никак не меньше Вселенной. Если не разъединить миры, то произойдёт их полное слияние. Последствия этого чики-пуки не способен предсказать никто, но вряд ли они будут сугубо положительными. Не успели до конца вызнаться, Лихо представителю сверхразвитой цивилизации вывеску раскурочила, нас и выперли.

– Трындец подкрался незаметно, – вздохнул Алмаз. – И взял за небритую задницу холодной и грубой ладошкой. Здравствуй, милый, теперь я от тебя не отстану...

– А они только одного гаврика в наш мир забросили? – удивился Шатун. – Одноединственного?

– Одного.

– Почему так мало? Я бы на их месте немерено народу забросил, ради такого дела.

– А больше не лезет. – Лихо грустно усмехнулась. – У них там что-то настолько раком встало, что и одного внедрить еле удалось. Проблема в том, что разъединить миры можно только с нашей стороны. Развитая цивилизация, мать их «кляксе» в дышло... Отрыгнутся им наши пертурбации. Точнее – уже отрыгиваются. У этого внедрянца такая рожа была, когда он о возможных последствиях рассказывать стал... Ой-ёй.

– Не врал? – поинтересовался Алмаз.

– Не-е, – покачала головой Лихо. – Тут у меня не соскочишь. Поначалу, конечно, начал влиять, сучня. Я не я, все вопросы в администрацию, приём с восьми до шестнадцати, обед с двенадцати до двенадцати тридцати. Мразота. Я на него капельку *повлияла*, и спёкся, урод. И что самое поганое – вряд ли правду сказал бы, так и загнулся бы, не исповедавшись. Ладно хоть на такие случаи есть я. А если бы не было? Мелкая душонка: сам погибается и всё равно юлит, чтобы хоть перед смертью рыло не начистили, за всю их цивилизацию. Спаситель, без страха и упрёка. Паску-уда...

– И что теперь?

– Отпили и не мерь. – Книжник посмотрел на запёртую дверь бывшего ДК. – Теперь две версии развития событий. Первая: ждать, когда всё благополучно крякнется, и даже панихиду по нам отпеть будет некому. Вторая: попытаться что-либо сделать. Время и возможность у нас есть.

– Сколько времени? – деловито спросил Алмаз. – Надеюсь, достаточно?

– Около месяца.

– А что делать, куда идти? Или достаточно плюнуть в Замурино в самую большую лужу и сказать «айн-цвай-драй-дрись, с миром мир – разъединись!». Или что-то другое?

– Другое, Алмазик. – Лихо махнула рукой, призывая друзей идти за собой. – И переться нам придётся далековато. Если быть точным, то аж в стольный град республики Бурятия.

Улан-Удэ называется. Сопки, пушнина, кедровый орех и место, где в нашем случае сходятся все дороги. Нет бы поближе где-нибудь место встречи прилепить...

– Да уж... – У Шатуна глаза на миг приобрели форму планеты Земля. – Это же трендюхать и трендюхать. Ближний свет...

– Осознали, мальчики?... На восемьдесят дней вокруг света это не похоже, но впечатляет, признаюсь всеми фибрами своей огрубевшей души. Ладно, пойдёмте бахнем по полстакана расслабления нервов для. А то сорвусь на хрен снова...

– А может, не стоит? – Книжник обеспокоенно посмотрел на Лихо. – Нам сейчас нужны трезвые головы и полная собран...

– Стоит, всепомнящий ты наш, – перебила его блондинка. – Андреич всё равно до завтра будет себе мозг насиловать, без нас обойдётся. Завтра с утречка и узнаем вердикт ответственного лица по поводу дальнейшего распорядка действий. Я же не призываю залиться выше глаз и похерить всё светлое будущее, замаячившее на горизонте. Так, в пропорцию накатим...

Глава третья

Единственный каба́к Суровцев, до Сдвига насчитывавших двадцать три тысячи населения, а после оно́го уменьшившихся до четырёх с половиной, назывался незамысловато: «У памятника». Памятник тоже наличествовал: среднехудожественно выполненный барельеф, посвящённый какому-то событию в истории посёлка. Надпись, вследствие каких-то уже напрочь забытых перипетий, почти полностью стёрлась, и остались лишь фигуры пучеглазых персонажей, одетых в шмотки исключительно казённого вида. По поводу пучеглазости начитанный Книжник однажды проехался остротой, смысл которой заключался в том, что это у них развилось от слишком долгого и пристального вглядывания в даль, в ожидании лучшей жизни. Других гипотез по смысловой нагрузке памятника никто не выдвигал, и высказывание постепенно прижилось.

Памятник стоял задом к кабаку, и поэтому иногда пучеглазость изображённых на нём личностей приписывали крепости подаваемых в «У памятника» напитков. Что тоже не было столь уж жуткой неправдой, но первый вариант всё же превалировал в народных умах.

Друзья заказали по двести граммов сногшибательной самогонки, изготовление которой курировал сам глава Суровцев, не доверяя столь ответственное дело никому другому. Книжник, которому досталась одинаковая со всеми доза, устроился рядом с Лихо, что было невиданным событием. Учитывая то, что обычно пытающегося примазаться к коллективному застолью очкарика посылали читать что-нибудь познавательное и не портить себе жизнь вредными привычками.

Выпили. Повторили. У непривычного к спиртному Книжника окружающая действительность окрасилась в нежные цвета уже после вторых пятидесяти граммов. После ликвидации всей своей порции он был готов скомкать параллельный мир как промокашку и призвать к ответу за злодеяния, учинённые в отношении его друзей, и вообще...

– Потух, – резюмировал Алмаз, глядя на рухнувшего носом в колени Лихо Книжника. – Кто домой потащит? Шатун? Монетку будем подкидывать?

– Ладно, оттранспортирую, – согласно пробасил Шатун. – Что мне эти полцентнера...

– Вот и договорились... Лихо, ты куда? Спать или другие планы имеются?

– К Митричу хочу наведаться. – Лихо аккуратно убрала со своих колен вихрастую голову Книжника. – До Всплеска ещё вроде бы рановато. Хотя... кто его знает? Судя по последним виражам нашего существования – лишняя предосторожность не помешает.

– Серия недавно вроде была? – Шатун удивлённо посмотрел на блондинку. – Теперь с месяц можно ходить, не дёргаясь. Но... дело хозяйское. Сходи, лучше перебздеть, чем недобдить.

– Золотые слова...

– Ладненько! – Алмаз махом опрокинул в горло остатки самогона, занюхал рукавом. – Разбегаемся. Надеюсь, ночь пройдёт без «свистопляски» под моим окном. Да и под вашими тоже...

Шатун водрузил что-то бессвязно забормотавшего от перемены позы, пребывающего в параллельно-алкогольном мире Книжника себе на плечо и пошёл к выходу. Алмаз с Лихо потопали за ним.

На улице уже потемнело, темнота была зеленоватого оттенка, что тоже не выходило за пределы разумного и безопасного. Но на душе у всех троих не было ни малейших признаков радости. Спиртное сняло некоторую часть напряжения, но далеко не всю.

– Ну, разбежались. – Лихо кивнула друзьям и пошла в нужную ей сторону. – До завтра, мальчишки.

Шатун махнул ей вдогонку ладонью, напоминающей ковш экскаватора, причём – далеко не в миниатюре.

Алмаз подмигнул, стараясь сделать это как можно оптимистичнее, и они с верзилой, несущим блаженно спящего Книжника, двинулись по своему маршруту. К себе домой, где уже давненько обитали на пару. Личная жизнь ни у одного, ни у другого как-то не сложилась, по поводу чего оба ничуть не сходили с ума. Главное, что в смерти не везёт...

Лихо прошагала метров триста, свернула во двор, подошла к двери добротного двухэтажного особнячка, некогда выкрашенного в жизнеутверждающий цыплячий колер, а теперь – облезлого и неказистого. Но по-прежнему прочного и не собирающегося рассыпаться в ближайшие дни.

Потянула на себя массивную дверь на первом этаже со слепым бельмом видеоглазка, зашла. Кивнула поднявшемуся из продавленного кресла в прихожей амбалу с парой «Узи», двинулась дальше. В первой комнате пожилая женщина наводила порядок, неспешно вытирая тряпкой невидимую пыль с некогда роскошной мебели. Увидев Лихо, она расцвела улыбкой.

– Мария Сергеевна! – Лихо обняла женщину. – Как ваше здоровье?

– Да как-как... – Мария Сергеевна пожалала плечами. – Бывало и лучше. Чаю хочешь?

– Попозже... Как Митрич?

– Да вроде бы как обычно. А я думала, ты ко мне...

– Нет, тетя Маша. – Блондинка смущённо покачала головой. – Может быть, потом, когда пообщаюсь.

– Ну давай. – Женщина кивнула в сторону смежной комнаты. – Вроде бы нормально себя чувствует. Как раз сегодня тебя вспоминал, а ты и легка на помине. Говорят, сегодня стряслось что-то? Стреляли...

– Да так, пустяки... Когда у нас не стреляли? – Лихо очень надеялась, что это прозвучало напрочь непринуждённо. – «Пешеход» лишка ретивый попался, всего и делов-то... Ничего ужасного. А чаёк поставьте, попьём непременно.

Мария Сергеевна согласно кивнула и пошла на кухню. Лихо облегчённо выдохнула, направляясь в другую комнату. Приоткрыла дверь.

Старенький, но ещё крепкий диван стоял возле приоткрытого окна небольшой комнаты, и человек, лежащий на нём, на первый взгляд казался безмятежно спящим. Лихо беззвучно шагнула вперёд и остановилась в смятении, не решаясь потревожить покой жильца этой заурядной на вид комнаты.

– Заходи, заходи... – Человек на диване повернул голову в её сторону, было видно, что даже это незамысловатое движение далось ему с болью. – Не к монарху на приём заявись, обойдёмся без этикетов и прочих раскудрявостей. Не первый день знакомы...

– Привет, Митрич! – Лихо обрадованно подошла к дивану. – А я уж думала, не пообщаться нам сегодня.

– А пообщаться есть о чём, – задумчиво развил Митрич её незаконченную мысль. – Вот только тема для разговоров у нас будет беспросветно унылая. А если и будет там какой юмор, то сплошь и рядом – цвета «кляксы». Надеюсь, напоминать, какого колера «клякса», тебе не стоит...

– Чего уж напоминать? – усмехнулась Лихо. – Ежели на «кляксе» черепашку со скрещёнными тазобедренными намалевать, тогда акkurat «Весёлый Роджер» образуется.

Митрич смотрел на неё пристально, не отрываясь, и в его взгляде колыхалась какая-то причудливая смесь эмоций. Тоска, нерешительность... Некоторые чувства были просто непонятными, но не имеющими ничего общего с умиротворяющими.

Лихо наклонилась и поцеловала его в щёку. Пряча глаза, лишь бы не видеть этого взгляда. Она никогда не заставляла Митрича в таком состоянии, от которого в душе образовывается широкая ледяная трещина.

Человек, лежащий перед ней, был в своём роде уникален. Что касается его самого, то он бы с превеликой охотой и радостью отказался от этой уникальности в обмен на нормальную жизнь – если бы была хоть малейшая возможность. Но её не было.

Митрич был живым индикатором Всплеска, единственным на всём Материке. Да и за его пределами, наверное, тоже. Куча народу заложила бы души Сдвигу, этому старшему брату дьявола, чтобы постоянно иметь под рукой такую дополнительную страховку от Всплеска, которой являлся Митрич. Он не ошибался никогда, и все живущие в Суровцах были обязаны ему жизнями больше, чем кому-либо.

Одно из самых поганых, ублюдочных и непредсказуемых явлений Сдвига, именуемое Всплеском, представляло собой, если можно так выразиться, облегчённую, урезанную версию Сдвига. После попадания под который любой человеческий организм, адекватно функционирующий в окружающей среде, превращался в лучшем случае в овощ. С кучкой бесполезной биомассы вместо мозгов. В худшем – в ходячего мертвяка, заикленного на поедании всего живого.

Всплеск накатывал локальными очагами, диаметр которых мог колебаться от одного километра до нескольких десятков. И протяжённостью от одного часа до нескольких суток. Причём частота его появления не поддавалась никаким расчетам. Он то появлялся по три – пять раз в неделю, на часок-другой, то мог нагрянуть на полдекады – но раз в полгода. Стоит добавить, что первую десятилетку с момента прихода Сдвига Всплеск не был столь уж жутким явлением, ограничивая свои мощности – доставкой депрессий средней тяжести, головных и желудочных болей. В крайнем случае – потерей сознания, максимум на сутки. Не было даже заметно, что с годами он каким-то образом усиливается, набирает мощь, причиняя всё большие неудобства. В десятилетний юбилей Сдвига Всплеск впервые показал себя во всей убийственной красе, в коей и щеголял до сегодняшнего дня. Хорошо хоть, что к этому времени уже были выработаны способы защиты, не подвергнувшиеся изменению после возрастания накала самой аномалии.

Спасение от него было незатейливым, но проверенным и надёжным. Достаточно надеть солнцезащитные очки а-ля «шериф» и наглухо закупорить уши прозаической ватой или чем-нибудь подходящим. Этих мер хватит, если ты находишься на воздухе, правда – не более двух-трёх часов. В течение которых лучше всего найти убежище понадежнее. Если же ты обретаешься в помещении с затемнёнными окнами и достаточно плотными стенами, то можно обойтись и без этого. Затыкать чем-либо рот было необязательно. Чем обусловлена такая избирательность Всплеска в защите от себя, ублюдочного, никто сказать не мог. Действует – и хорошо...

Митрич, которого неизвестно какая взбалмошная и циничная удача взасос поцеловала прямо в темечко, последние двадцать пять календарей был почти полностью парализован. Как отчасти поэтично выражался сам Митрич, «я прошёлся по краешку Всплеска». По какой-то странной прихоти в один из первых *серьёзных* Всплесков его, судя по всему, действительно зацепило самым краешком. Не накрыло полностью, а лишь кольнуло, *при-тронулось*. Оставив целой и невредимой голову и почти напрочь забрав остальное здоровье. Дав взамен способность стопроцентно предчувствовать за несколько дней Всплеск любой силы и протяжённости.

Так называемые «плескалки», плотные желеобразные субстанции непонятного окраса, размером с большое яблоко, порождённые всё тем же Сдвигом, тоже обладали возможностью улавливать приближение Всплеска, но максимум за десять минут и с вероятностью в пятьдесят процентов. При возможном наступлении проклятой аномалии «плескалки» начи-

нали яростно менять цвет, уподобляясь засунутой в стиральную машину радуге. Но Митрича не могло заменить ничего, даже все «плескалки» Материка вместе взятые. В Суровцах они считались лишь дополнительным подтверждением его прогнозов.

Порождениям Сдвига Всплеск не вредил, скорее всего, потому, что вся эта компания была из одной упряжки. А может, просто по причине того, что хуже там быть уже просто не могло. Как бы парадоксально это ни звучало.

Никто не знал имени «индикатора», который ссылался на полное беспамятство во всём, касающемся его прошлой жизни. Для всех он был просто Митричем. И откуда к нему прицепилось это прозвище, не помнил уже практически никто. Митрич – и ладно...

– Что-то вы, милостивый государь, нынче невеселы! – напряжённо пошутила Лихо, пытаясь чуть-чуть смягчить взгляд Митрича. – Неужели всё так запущено в королевстве суровцевском?

«Индикатор Всплеска» помедлил, сухие тонкие губы шевельнулись:

– Присядь...

Лихо гибко присела на краешек дивана, внимательно глядя на собеседника, но, по возможности, стараясь не встречаться взглядом напрямую. Ей было жутковато. Гнетущий вид Митрича неумолимо перевешивал все сегодняшние шокирующие новости и незаурядные стычки с недружелюбной фауной Материка.

– Ты знаешь, кем я был до Сдвига? – Вопрос, заданный Митричем, наглухо отсутствовал в перечне вопросов, которые Лихо готовилась услышать.

– Кем? – Блондинка глупо улыбнулась, вяло надеясь, что это была какая-то не поддающаяся логике шутка. И сейчас Митрич хрипловато, неподражаемо хохотнёт, давая понять, что Лихо пора снимать с ушей щедрую порцию элитной лапши.

– Я был пушером... – Калека сказал это очень тихо. Как будто с усилием выдавливал из себя то, что хранилось внутри его души давно и безвылазно, кровотока и садня. Но Лихо услышала.

– Кем?!?

– Пушером. Продавцом наркоты. Дури. – Голос Митрича окреп, словно нарыв в душе лопнул, и ему стало легче выпускать наружу эти слова. Но он по-прежнему говорил не очень громко – не хотел, чтобы этот рассказ был услышан в соседней комнате. Он предназначался только для двоих.

– Я всё помнил. Всегда! – твёрдо сказал «индикатор Всплеска», предупреждая готовый вырваться у Лихо вопрос. – Всё, до последней мелочи. Не так, конечно, как Книжник... Но достаточно.

Лихо растерянно смотрела на него, теперь уже не отводя взгляда, как будто откровение «индикатора» придало ей силы. Смотрела, пока ещё не способная состыковать жёсткое начало разговора с тем, что она хотела узнать. Митрич прикрыл глаза, но губы продолжили шевелиться, выталкивая в пространство долго скрываемую правду:

– Я сажал людей на иглу, на «колёса», на всё, что давало кайф. Делало существование веселее. Мне нравилась такая жизнь. Это сейчас я понимаю, что был законченной мразью, подонком, гнидой... А тогда мне казалось, что вся жизнь будет праздником, ко мне уже приглядывались люди посерьёзнее, впереди светил подъём, шикарная жизнь.

Митрич на секунду замолк, словно собираясь с новыми силами. Лихо смотрела, не отрываясь, на человека, знакомого ей долгое время. И в её душе извечное сострадание и благодарность ему перемешивались с новым чувством. С пока ещё не оформившимся до должной кондиции отвращением. Несильным, нечётким, но отвращением. К наркоторговцам, как и к другой человеческой швали, сохранившейся и после Сдвига, она испытывала безграничную и лютую ненависть. Пойманного в Суровцах толкача дури, даже если он не

пытался никому впарить ни крошки своего зелья, вешали публично и без всяких проволочек. А уж если пытался...

– А когда меня Всплеском накрыло, – Митрич продолжил свою исповедь, – я как будто заново родился. Понимаю, звучит банально, заезженно. Но это так. Я лежу, как бревно, хожу под себя, меня кормят с ложки. Но я нужен. Не для того, чтобы купить у меня дозу и вмазаться по-быстрому. Не для того, чтобы медленно умирать, а для того – чтобы жить. А-а, не хотел пафоса, да ведь не сказать по-другому...

Лихо смотрела на него, как будто теперь её взгляд притягивало магнитом, и прекратить эту жутковатую игру в «гляделки» было выше её сил. Калека встретился с ней глазами и отвёл их.

– Не смотри так, красивая... Я этот разговор себе столько раз представлял, без счёта. А всё равно всё не так, слова вроде бы те, а на душе погано. Я у тебя не отпущения грехов прошу. Ты не святой отец, да и не верю я в это – честно говоря. Что бы со мной ни случилось – не верю... Будут там наверху нас наизнанку выворачивать, грехи учитывая, или просто сгниём где попало – не знаю. Мне всё равно. Мне другое маетно, другое!

Митрич выкрикнул последние слова во весь голос, не сдержавшись, и в комнату встревоженно заглянула Мария Сергеевна. «Индикатор Всплеска» слабо улыбнулся, успокаивая её, давая понять, что ничего опасного не происходит. Она закрыла дверь, говоря что-то успокаивающее прибежавшему из прихожей охраннику, натасканному Глыбой реагировать на каждое шевеление Митрича. Верзила что-то неразборчиво буркнул в ответ, но в комнату не сунулся.

– Извини, наболело... – На лбу Митрича блестели крупные капли пота, и Лихо, почти не раздумывая, взяла лежащее на тумбочке полотенце и вытерла их. – Я не думал, что придётся сегодня разговаривать. Хотел ещё чуток протянуть. Но не получится...

– Почему? – Лихо спросила негромко, чувство отвращения притупилось – всё-таки слишком много этот абсолютно беспомощный человек сделал для того, чтобы их небольшой островок относительной справедливости и стабильности жил до сих пор.

– Потому что я больше ничего не чувствую, – так же негромко ответил калека. – Ничего, понимаешь? И это не метафора, не поэтическая красивость. Я бесполезен.

– Как?! – ахнула Лихо, подавшись вперёд и частичкой души ожидая какого-то чуда. После которого станет ясно, что всё происходящее на самом деле оказалось безобразно жестоким розыгрышем. Митрич с его уникальным даром был всегда, и представить, что теперь это не так, равнозначно тому, как если бы она сейчас вышла на улицу, а Суровцы исчезли. Навсегда.

И совсем непонятно, какая наиболее ценная часть Митрича осталась с ней. То ли та, умевшая предсказать приближающуюся беду. Или та, после разговора с которой у неё теплело на душе и жизнь становилась не такой жестокой.

– Я не знаю. – Из уголка глаза калеки, пересекая седой, аккуратно подстриженный висок, пролегла мокрая прозрачная дорожка. – Не знаю! И, Лихо... Я ведь в той жизни по головам шёл, мне на всё насрать было – лишь бы наверх, повыше забраться. А сейчас я лежу и полным говном себя чувствую. Потому что пользы от меня теперь никакой – одна тягость! Зачем я такой нужен?!

Митрич закрыл глаза и лежал, глухо, тяжело всхлипывая. Лихо, наконец, отвела взгляд и смотрела в окно, за которым бежевые облака быстро становились тёмно-бежевыми.

– Там уже... началось? – Калека подавил всхлипы. – Я думаю, ты понимаешь, о чём я. Нестандартное что-то началось? Так ведь?

– Началось. – Лихо спрятала лицо в ладони. Слишком много впечатлений для одного дня, даже для такой цельнометаллической амазонки с аномальными дарованиями. Интересно, они тоже пропадут или продержатся ещё какое-то время?

– Лихо. – Митрич тихо позвал её, и она убрала ладони, посмотрела на него взглядом, в котором к старому, устоявшемуся примешивалось новое знание. Вызывающим покаянием в сердце.

– Что?

– Прости меня? Я не мог иначе...

Лихо колебалась ровно миг, потом наклонилась и ещё раз поцеловала его туда, где пролегла прозрачная дорожка. И услышала, как облегчённо выдохнул Митрич.

– Что теперь делать? – Калека задумчиво скосил глаза в сторону окна, за которым стремительно наступал вечер. – Или остаётся только надеяться?

– Не только! – Блондинка резко трянула головой, словно прогоняя какое-то наваждение. – Мы ещё побрыкаемся. Загнём ещё кое-кого в позу ебулдыцкого шапокляка. Не всё в цвет «кляксы», далеко не всё.

Митрич смотрел на неё, как на Богородицу, несущую избавление от всех тягот и недугов. Открыл рот, собираясь спросить что-то ещё...

– Кровохлѐ-ѐ-бы-ы! – Надсадный крик, в котором было поровну и растерянности, и яростной ненависти, долетел с улицы, на мгновение опрокидывая сердце Лихо в мутный омут испуга. Следом простучала длинная автоматная очередь, сопровождаемая забористыми матюгами, перекрывающими звуки выстрелов. Издалека долетели ещё несколько очередей. Каша заваривалась по-необычному крутая. Даже не из топора – из полдюжины «дезерт игл» с бронебойными «маслятами». И стариной «дегтярёвым» в придачу. В качестве подливки.

– Прожекторы давай, сука! – бешено орал кто-то. – Сдохнем ведь, падлы! Твою ма...

Крик захлебнулся, сопровождаясь какой-то тошнотворной вознёй, от которой у человека менее искусственного, чем Лихо, стопроцентно завибрировали бы поджилки. После звука глухого удара раздались быстрые, легкоузнаваемые нотки разрываемой плоти. Блондинка мигом захлопнула окно, в комнату уже влетал мордovorот из прихожей, усиленный помимо «Узи» ещё и ухоженного облика помповухой. Чтобы орлы Андреича, и в нужный момент без подходящей «пукалки»? Это уже из области самой гнусной и разнузданной фантастики...

Кивнув верзиле: «Объект в норме! Стерегите!» – хотя он нуждался в этом меньше, чем Фредди Крюгер – в средствах от бессонницы, Лихо вылетела в прихожую. По пути на пару секунд задержавшись и цапнув из приоткрытого чуланчика готовый к бою «калашников» с двумя обоймами, соединёнными изолентой.

Мария Сергеевна немного заполошно, но в общем и целом приемлемо спасалась бегством в ванную комнату, строго следуя инструкциям всё того же Глыбы. Лихо пнула входную дверь и вскинула ствол, обшаривая достаточно большое пространство лестничной площадки. Пусто. Дальше!

Подъездная дверь распахнулась от отработанного удара ногой, и Лихо выскочила в полутьму, готовая к чему угодно. Метрах в пятнадцати от особнячка существо размером с королевского дога нависло над агонизирующим телом и старательно вгрызалось в горло умирающего человека. На звук удара по двери оно обернулось и приглушённо зашипело. В сумерках Лихо разглядела то, что в принципе уже видела не один раз.

Клюв, нижняя часть которого была скорее плотным щупальцем грязно-бурого цвета. Узкая, приплюснутая с боков голова, украшенная сверху беспорядочно расположенными некрупными костяными наростами, которые всегда хотелось вбить внутрь черепа чем-нибудь увесистым и твёрдым. Недлинное, рыхловатое тело, заканчивающееся очень энергичным, раздвоенным на конце хвостом с влажно поблёскивающими отростками белесоватых жал. И непропорционально большие для тела конечности, что верхние – крылатые, что нижние – бескрылые, часто покрытые мелкими шипами и заканчивающиеся роскошным набором хирургически острых когтей. Способных вскрыть грудную клетку одним небреж-

ным и даже не очень сильным взмахом. Ночной упырь, собственной персоной, глаза бы его не видели! Кровохлёб, птичка чёртова...

Встать в позу и патетически изрекать что-то вроде «Сдохни, исчадие ада!» Лихо не стала. «Калаш» коротко отстучал срочную свинцовую телеграмму, мигом дошедшую до адресата. Не Алмаз, конечно, но черепушку, разъярённо тарашившуюся на неё фосфоресцирующими глазищами размером с донце двухсотграммового стакана, Лихо разнесла без промаха. Счёт открыт. Дальше!

По периметру и в центре посёлка один за другим уже загорались прожектора, шарящие по небу и окрестностям ультрафиолетовыми лучами. Кровохлёбы, попадающие в бледно-фиолетовый луч, старались шарахнуть в сторону с жалостливо-яростным писком и согнуться в темноте. Пропасть, лишь бы не ощутить на своей рыхлой, холодной коже обжигающий свет. Во всяком случае, так было раньше. Сейчас всё шло по другому сценарию. Более страшному и абсолютно непредсказуемому.

Крылатые твари пикировали с высоты, не обращая внимания на то, что должно было их бескомпромиссно отпугивать. Два луча сошлись на тушке стремительно мчащегося к земле кровохлёба, и крылья ночного хищника задымались, начиная обугливаться. Тот изменил траекторию полёта и направился прямо на прожектор, визжа от боли, но даже не пытаясь уйти в спасительную темноту, увильнуть, стряхнуть с себя эту слепящую боль.

«Тра-та-та!» – с вышки простучала автоматная очередь. Лихо увидела, как тварь, словно налетев на невидимую преграду, кувыркнулась вниз, нелепо вихляя крыльями. Прожектор лихорадочно стал подниматься вверх, ища новую цель.

«Ш-шух-х!» – второй кровохлёб вынырнул неподалёку от вышки, словно дождавшись удобной минуты, когда прожектор направили в другую сторону. Человек на вышке заметил его, луч рыкнул в сторону, пытаясь нащупать хищника, но не успевал, не успевал!

Приглушённый звон разбитого стекла слился с запредельным криком твари, протаранившей прожектор. Боец на вышке короткой очередью внёс последнюю правку и спешно принялся спускаться вниз. Третий кровохлёб атаковал его сзади, превратив спину от затылка до пояса в полотно, разрисованное геометрически правильными линиями, быстро набухающими красным. Человек с криком полетел вниз, и упырюга бросился туда же, уверенный, что добыча уже не сможет сопротивляться.

Лихо ухитрилась снять одного прямо на лету, огляделась, стараясь не дать разгореться льдистому огоньку в груди. Прожектора, почти слаженно вспыхнувшие в нужный момент, гасли. Гасли один за другим, не часто, но неуклонно, заставляя тихо и безостановочно стervenеть от подступающей тревоги.

Ещё один кровохлёб получил очередь поперёк пуза, попытавшись с разгона отчекрыжить кусочек от стройной фигуры, возникшей на его пути. Тварь взвизгнула и покати-лась кубарем. Замерла, вроде бы приготовившись остывать уже окончательно. Лихо всадила ещё одну пулю промеж меркнущих глазищ кровохлёба – живучие, паскуды, сколько народу полегло, поскупившись на контрольный «маслёнок!» – и бросилась к Дому культуры.

Налёты кровохлёбов, существ безмозглых, трусоватых и жадных до чужого гемоглобина, были, в общем-то, не из ряда вон выходящим событием. Пару раз в месяц с наступлением темноты крылатые антидоноры наведывались в воздушное пространство Суровцев, намереваясь попить кровушки за здорово живёшь. Как будто на окраине поселка висел хорошо заметный транспарант с надписью: «Добро пожаловать на ночь открытых вен!» И каждый раз всё заканчивалось по скучному до зевоты шаблону. Получив щедрую дозу ультрафиолета и несколько скупых очередей вдогонку, когда наглый и заранее обречённый на провал налёт превращался в хаотичный драп, они исчезали до следующего раза. Становящегося близнецом предыдущего. Но сегодня клятого отродья было гораздо больше, чем обычно. В высоте кружило не менее трёх сотен тварей, не считая тех, что уже получили свою

порцию свинцового успокоительного, незначительно, но летально утяжеляющего организм. От их обычной трусости, проявлявшейся во всей красе, стоило поблизости замаячить хоть одному ультрафиолетовому лучу, не осталось и следа.

Лихо сменила опустевший магазин, с тревожной радостью слушая всё ещё раздающиеся посреди и с окраин Суровцев очереди и одиночные выстрелы. Андреич не собирался спускать штаны и становиться в позу «Добыча кровохлёба» только потому, что этих пернатых упырей вдруг оказалось в несколько раз больше, чем обычно. И их ставшая почти легендарной трусость испарилась под воздействием неизвестных факторов. Глыба был способен на такое только в одном-единственном случае. Если твёрдо знал, что в заднице у него находится хотя бы подобие заряда, способного нанести вред противнику.

Две несколько более крупные, чем обычно, твари прилунились метрах в двадцати от Лихо. И с вызывающей дерзостью, почти вальяжно принялись сокращать разделяющее их расстояние. Лихо поставила режим огня на одиночные и незамедлительно огрызнулась в сторону оборзевших сородичей семейства комариных.

Раз! – один из кровохлёбов вдруг ушёл в сторону с небывалым проворством, пуля вжикнула мимо, впервые за этот вечер пропав впустую. Лихо, с некоторым усилием прищёлкнув на место пытающуюся упасть в уровень земли челюсть, рассталась ещё с парой патронов. Первый тоже свистнул «в молоко», зато второй угадал точняком туда, где почти отсутствующая шея соединялась с туловищем. И насколько помнила Лихо, там находился какой-то жизненно важный узел, повреждение которого причиняло невыносимую боль. Это ей поведал Книжник, нахватавшийся подобных знаний у Германа-Знатока.

Кровохлёб зашёлся в невыносимо кошмарном, прерывистом визге, осатанело маша крыльями, не то делая попытку взлёта, не то – крайне беспокойно подыхая. Верным оказалось второе.

Через пяток секунд он завалился на бок, мелко подёргивая конечностями, визг глос, делаясь почти неслышным. Лихо уже переключилась на следующего, сократившего расстояние раза в два и определённо примеривающегося углублённо полюбопытствовать о состоянии её внутренних органов.

«Хрен тебе вместо клюва... Чтобы постоянно болтался и в глотку норовил заскочить». Блондинка шамальнула от бедра, но обнаглевшая тварюга ушла вбок с какой-то дьявольской грацией, сократив разделяющее их пространство ещё на пару шагов. Лихо уменьшила боезапас ещё на три патрона, но долбаный кровохлёб, по всей видимости, успел пройти в какой-то кровохлёбей шарашке ускоренные курсы неуязвимости и сейчас блистательно демонстрировал результаты Лихо, быстро сатанеющей от повторяющихся неудач.

Нет, конечно, Лихо чётко знала, откуда растут корявые копыта всей этой катавасии, способной мимолётно и не оглядываясь вогнать в жуткий депресняк любого закоренелого оптимиста. Оттуда же, откуда взялись нападающие стаей шипачи и не способные угомониться с одного выстрела «стиляги». «Кляксе» понятно – жизнерадостности это не прибавляло ни на ломаный грош, причём в хлам проржавевший и где-то безвозвратно затерявшийся.

«Маслята» кончились в тот самый момент, когда Лихо, несмотря на все отточенные пируэты и увёртки перепончатокрылого, достала его, прострелив левое крыло. Выстрела, способного поставить жирную и выпуклую точку в этом противостоянии, не прозвучало.

«В старых индийских фильмах, без сомнения, есть вкрапления позитива...» – Лихо швырнула «калаш» прямо в замершего метрах в шести от неё кровохлёба. И потянула из набедренных ножен триста с лишним миллиметров закалённой стали с обоюдоострой заточкой, формой напоминающие славное семейство «Магнум Танто», с небольшими дополнениями суровцевских мастеров приличного «холодняка». Которые она ласково называла «Потрошителем».

«В обойму входит сразу два ведра патрон...» – строчка из почти забытой песни, посвящённой фильмоделам из бывшей Южной Азии, однажды озвученной Книжником, свихнувшимся на той, прежней реальности, возникла в голове Лихо, приготовившейся кромсать и резать. Ударно, до победного конца.

«Бах!» – головёнка кровохлёба разлетелась на труднособираемые пазлы в виде неаппетитных ошметков и брызг. Лихо обернулась. Хорошо знакомая троица только что вынырнула из-за угла, и Алмаз, в очередной раз подтвердивший свою репутацию непревзойдённого стрелка (давешний «пешеход» – не в счёт!), презрительно дёрнул уголком рта, отчего у Лихо мигом полегчало на душе.

– Куда путь держим? – Шатун с габаритной, длинноствольной «дурой», в его здоровенных ручищах всё равно выглядевшей сущим недоразумением, вроде пулемёта «Максим», установленного на корме авианосца, опекал Книжника.

Очкарик выглядел недоспавшим, несколько потрясённым, но нисколько не паникующим. Двести граммов первача не окончательно выветрились у него из головы, и он озирался вокруг с видимым желанием приголубить кого-нибудь из куцей малокалиберки, наверняка выданной ему Алмазом скорее для самоутверждения, чем для самозащиты. Лихо вообще была не уверена, заряжена эта игрушка или Алмаз остался последователен в своих поступках. Увидев Лихо живой и невредимой, Книжник расцвёл, но тут же придал себе вид крайне озабоченного обороной Суровцев человека.

«Чем бы дитё ни тешилось, лишь бы ума набиралось...» Лихо спрятала так и не окропленный посторонними лейкоцитами монстрорез обратно в ножны и приняла от Алмаза старенький, но содержащийся в должной кондиции «Глок». Уверенности в будущем прибавилось ровно на вес австрийской машинки для делания дырок в агрессивно настроенных организмах летучей и донельзя вёрткой фауны.

– Двигай к конторе! – «Конторой» Лихо называла штаб-квартиру Андреича. – Гурьбой кровохлёбов шинковать как-то сподручнее. А если что – опять же помирать веселее...

– Тьфу на тебя, – меланхолично отозвался Алмаз, дав короткую очередь в высоту, откуда через очень непродолжительный промежуток времени шмякнулся очередной щупальцеключевой. – Так наговоришь под руку – в натуре, промахнуться недолго...

Четвёрка рысцой двинулась к ДК, ошетилившись стволами во все стороны, работая всеми имеющимися в наличии чувствами. Вверх, вниз, влево и вправо, на все триста шестьдесят градусов. В момент, когда появилась осязаемая, реальная возможность задвинуть Сдвиг до состояния его полной неработоспособности, совсем нежелательно отдать концы от какого-нибудь чересчур резвого антидонора. Побрыкаемся!

За углом, чуть в вышине, раздался звон бьющегося стекла, треск выламываемого дерева, судя по всему – оконной рамы.

– Помогите! – Из окна второго этажа ближайшей к «конторе» трёхэтажки выплеснулся женский крик, полный непередаваемого ужаса. – Витенька! Помогите!

Лихо с Алмазом, не раздумывая, ломанулись в подъезд, привычно страхуя друг друга. Шатун с Книжником остались на улице, прижавшись к стене, контролируя подходы к дому.

Алмаз коротко и мощно лягнул по нужной двери, вкладывая в удар весь свой вес. Шатун, конечно, вынес бы эту преграду одним не особенно и безумным взглядом, но он остался на улице. Справились и без него.

Закрытый замок жалобно хрустнул-скрежетнул, полностью капитулируя, и дверь распахнулась настежь. Алмаз ввинтился в тесноватое пространство прихожей первым, превратившись со своим верным «дыроделом» в одно целое, в неразрывную связь человека и механизма. Лихо просочилась следом, леденя душой от пронзительного крика, несущегося из ближней комнаты.

«Калашников» Алмаза деловито расплескал скупую очередь в кого-то, пока ещё невидимого для Лихо, и в следующий миг комната встала на дыбы, словно некто гигантский и любопытный вырвал все три этажа с корнем и тряс, как дешёвую погремушку. Безостановочно, страшно...

Блондинку швырнуло о стену, сверху упало что-то довольно большое, но, к счастью, не твёрдое, не тяжёлое, вроде тюка с ненужными, но тщательно сберегаемыми тряпками. Лихо начала приподниматься, и следующим ударом её, как лотерейный шарик в барабане, мотнуло вбок, она приложилась головой к дверному косяку, потеряв сознание...

Глава четвёртая

– Живой, кажись... – Реальность возвращалась неохотно, вязкой мутью расплываясь в глазах. – Алмаз! Эй, стеклорез, очнись, хорош валяться. Алма-аз... Доброе утро!

За плечо его бесцеремонно трясла рука, габариты которой могли принадлежать только одному человеку в Суровцах. Либо его брату-близнецу, которого у него отродясь не имелось.

– Удачно вас завалило. – Громила прихватил его за плечи, помогая приподняться. – Метром бы левее – и никакой могилки не надо. Везунчики, чего уж там...

Алмаз прижал ладони к вискам, успокаивая творящийся в голове беспредел. Смахивало на то, что там происходила генеральная репетиция Сдвига. Издания второго, дополненного и расширенного.

Зрение частично восстановилось, Алмаз огляделся. Лежащий на полу фонарик более-менее освещал помещение, в котором они находились. Лихо, возле которой встревоженной насадкой хлопотал Книжник, выглядела немногим лучше его самого. Потрёпанная, на правой половине лица расплылся просто шедевральный синячище, но живая. Определённо пришедшая в себя чуть пораньше его и неукротимо сверкающая целым глазом. Отталкивающая назойливого книгочея, старающегося поддержать под локоток, отряхнуть камуфляж. Причём в районе, находящемся чуть ниже талии. В итоге Лихо рыкнула, негромко, но доходчиво, и Книжник отошёл в сторону, разочарованно вздыхая себе под нос. Сам он тоже был несколько помят и запачкан, но всё же не так, как они с Лихо.

– Что случилось? – Сдвиг в голове немного утомился, но не собирался окончательно покидать облюбованные позиции. – Где мы?

– Вообще-то в Суровцах... – Шатун озабоченно глянул ему в лицо, прикидывая, не приключилось ли с другом коллизии, по-научному именуемой «амнезией».

– Ты ещё скажи – на планете Земля. – Алмаз сплюнул на пол красноватой слюной, обнаружив отсутствие одного переднего зуба в верхней челюсти. – Не настолько же я кум-полом приложился. Поточнее можешь?

– А... – Шатун облегчённо выдохнул. – Да в подъезде мы, там же, где и были. Завалило нас.

– Почему?

– Да камнерез его знает! – Громила пожал плечищами. – Вы с Лихо туда дёрнулись, а спустя полминуты земля у дома на дыбы встала, как будто батальон могильщиков на акцию протеста припёрся. Я только успел очкастого в подъезд наладить да следом нырнуть, как всё рухнуло. Третьего этажа, считай, нет. Во всяком случае, по лестнице не подняться – завалило намертво. Мы здесь тоже, как в склепе, хоть глаз выколи. Хорошо, фонарик до упора заряжен.

Алмаз ещё раз осмотрелся. Судя по всему, они находились в той самой прихожей, которую он успел проскочить, прежде чем отправить к чёрту на серные олады ещё одного кровохлёба, выбившего окно и лютующего на чужой жилплощади. На месте прохода в комнату красовалась глухая стена, вероятнее всего, это был пол верхней квартиры, обвалившийся после непонятого катаклизма.

Дверь на лестничную площадку была распахнута, но за ней виднелся только узковатый проход вниз.

– Да, поводов для ликования не наблюдаю. – Алмаз помассировал виски кончиками пальцев, призывая сдвиг в черепной коробке к установлению нейтралитета. Сдвиг ещё с полминуты повыёживался и затих.

– Там, с первого этажа, вроде можно на улицу пробраться. – Шатун ободряюще улыбнулся другу. – Поможешь, мне одному не справиться. Плиту в сторонку отодвинем, в квар-

тирку протиснемся, а там, надеюсь, через окошко – на волю. Отдохни чутка, и айда – к нашим пробиваться. Странно, что до сих пор не ищут...

– Странно...

Что-то подсказывало Алмазу, что на этом все странности не исчерпываются. Снаружи вроде бы доносились какие-то крики, но понять их было весьма непросто.

Надо было выбираться из этого нечаянного узилища.

– Веди. – Алмаз поднялся на ноги, прислушиваясь к ощущениям в организме. Похоже, затихшими головными болями и утерянным зубом всё и ограничилось. Руки-ноги были в общем и целом невредимы, если, конечно, не считать нескольких ноющих ушибов.

Лихо тоже поднялась на ноги, свирепо глянув на вновь кинувшегося предлагать свою помощь Книжника. Тот незамедлительно увял и, чтобы не заработать нечто подобное красующемуся на физиономии Лихо, стал держаться в почтительном отдалении. Кабальеро Облом Непрухович Пролётов.

Алмаз подобрал непонятно каким макаром уцелевшее личное оружие. Остальные оказались с голыми руками, если не считать тесаков Шатуна и «потрошителя» Лихо. С «клопобоем» Книжника, который тот доблестно ухитрился не профукать в экстремальной заварушке, всё было яснее ясного. Патроны там имелись, но сплошь и рядом холостые, чтобы уж совсем морально не травмировать книгочея. Пускай себе палит, куда попало, пользы точно будет больше, чем вреда...

Они по очереди спустились на первый этаж, протиснувшись в единственный проход в нагромождении бетонных блоков. Шатун, матерясь сквозь зубы, пролез первым. Остальным, понятное дело, было уже гораздо легче.

Подъездная дверь полностью отсутствовала из-за просевшей стены дома. Две из трёх квартир тоже были безвозвратно утеряны для попыток проникнуть в них. Да что там произошло на улице? На каком новом проклятом аттракционе Сдвига их прокатили, лишь чудом оставив в живых? В очередной раз пытаюсь доказать, что они – всего лишь малозначительные фигуры. Пешки Сдвига.

– Вот сюда подлезть надо. – Шатун показал Алмазу стоящую перед ним проблему, требующую скорейшего решения. – И сдвинуть немного в мою сторону. А я здесь подцеплю, выдерну. Проход освободим. Мне, сам понимаешь, не развернуться. Тебе посвободнее будет. Залазь.

Алмаз пробрался в указанное место и, упёршись спиной в один обломок плиты, стал ногами выталкивать другой, перекрывающий дверь в третью квартиру. Глядя, чтобы ничего дополнительно не стонулось и не превратило их четвёрку в разномастные отбивные.

– Да нормально там всё, – с натугой проскрипел Шатун, вытягивая обломок на себя. – Ничего брякнуться не должно, я проверил. Толкай сильнее.

Совокупными усилиями обломок был убран, и Алмаз первым заглянул в прихожую освобождённой квартиры. Звуки с улицы стали доноситься отчётливее, но в них не улавливалось ни малейшего подобия хотя бы спокойствия, не говоря уже о полном восстановлении порядка.

Алмаз вынырнул обратно, забрал у Лихо автомат. Угрюмо-вопросительно посмотрел на сподвижников, слегка покачав головой, выражая полное неприятие того, что доносилось снаружи.

– Не нравится мне всё это. – Лихо осторожно потрогала распухшую половину лица. – А уж то, что впереди, – вообще никак не ободряет.

Книжник, поправив сползшие на нос очки, неодобрительно посмотрел на неё. Ему хотелось в атаку, пламенно размахивая своим «клопобоем». Останавливать на скаку шипачей выпяченной грудью и брать Сдвиг за деликатные области стальными пальцами, принося к повиновению. Остальные умирать не торопились.

Умирать тоже надо с толком. Красиво и с толком – конечно, поглаже будет, но тут уж как получится. А просто красиво, но насквозь непрактично – это сугубо неправильно.

– Я пойду первым, – коротко бросил Алмаз, прерывая и без того недолгую заминку.

Он пригнулся и пробрался обратно в прихожую. Следом начал протискиваться Шатун.

Квартира на первом этаже была относительно целой, если не считать попадавшей как попало скудной мебелишки. Немного перекошенная оконная рама с торчащими из неё тут и там вурдалачьими клыками битого стекла была ничем не завалена, и в неё лился утренний свет. Нормальный свет, без всяких намёков на опасность, на хаос.

Алмаз немного помедлил, прислушиваясь к происходящему на улице, изо всех сил надеясь услышать хоть что-то, могущее дать надежду на благополучный исход кошмарной ночной кадрили. Издалека, не меньше чем в одном квартале от них, доносились крики, в которых почти полностью отсутствовало всё человеческое, разумное. Выстрелов не было слышно вообще.

Сзади негромко кашлянул Шатун, Алмаз обернулся, прочтя в его глазах тот же вопрос, раскалённой занозой сидевший в душе у него лично. Что, чёрт побери, случилось? Кровохлёбы, даже в том количестве и с той внезапностью, с какой они обрушились на Суровцы, вряд ли бы довели дело до такого упадка. Тут было что-то ещё! Что?!

Шатун сгрёб с пола массивную тумбочку и, от души размахнувшись, послал её в сторону окна. Рама вылетела на улицу, теряя последние осколки, Алмаз вскочил на подоконник, проводя быструю визуальную разведку местности. Улица была пуста, если не считать нескольких тушек дохлых «антидоноров» и примерно того же количества неподвижных человеческих тел, находящихся в различной степени изувеченности.

Алмаз спрыгнул на землю и прынул в сторону, освобождая пространство для Шатуна. Продолжая каждой нервной клеткой фиксировать малейшее изменение обстановки. Пока что, в пределах прямой видимости, было относительно спокойно. Хотя в самых потёмках души загнанная туда мощным волевым усилием и приведённая в полубморочное состояние бултыхалась колючая тоска. От маетного предчувствия, вызванного резким переломом привычной среды обитания. От полуинтуитивного осознания того, что ещё совсем недавнюю если не вольготную, то вполне сносную житуху какое-то аномальное мурло с ухмылочкой упаковало в тусклую обёртку небытия, небрежно перевязав траурной ленточкой. И чтобы добраться до этого мурла, надо вывернуться вон из кожи, научиться ходить по воде, подружиться с «кляксой». Одним словом – сделать невозможное.

«Подружмся, вывернемся, научим „свистопляску“ любить изящную словесность, сморкаться в кружевные платочки, и – ходить по струночке...» – Алмаз оскалил зубы в мрачно-ватой усмешке, продолжая прислушиваться, оглядываться. Выживать.

Рядом с ним, произведя шума не больше, чем это могла сделать пушинка, опустившаяся на ладонь, с подоконника спрыгнул Шатун. Конечно, после шума выбивания рамы можно было бы не слишком осторожничать. Но Шатун не был бы Шатуном, если бы обрушился с подоконника чуть громче, чем пугают мухи. Мясницкие тесаки, любимые игрушки гиганта, находились в боевой готовности.

Следующим в оконном проёме показался Книжник, демонстрирующий если не высшую степень неуклюжести, то никак не ниже средней. Неловко залез, замешкался, выбирая, куда прыгнуть, прыгнул. Приземлился, чуть не подвернув ногу, и, если бы не Шатун, коротким движением восстановивший его равновесие, наверняка заработал бы как минимум вывих лодыжки.

Последней квалифицированно спрыгнула Лихо, потянула из ножен своего любимого «потрошителя». Быстрый обмен взглядами, экономные жесты Лихо, понятливые кивки остальных. Через мгновение четвёрка двинулась в сторону «конторы».

В паре-тройке мест, безо всякой системы, виднелись клубы дыма различных степеней силы и чадности. Горели, скорее всего, как прикинул Алмаз по местоположению пожаров, жилые здания и, возможно, бывшая школа, в которой находился склад жизненно важных припасов. Еды, одежды, предметов первой необходимости.

Дом культуры показался сразу, как только они вышли из-за угла трёхэтажки, снаружи выглядевшей так, как будто над ней надругался урбанист-извращенец из племени колоссов. До штаб-квартиры Андреича оставалось метров пятьдесят, когда им навстречу вырулили сразу два «пешехода», выглядящих зашибающими свою скудную копеечку статистами низ-кобюджетной страшилки. Если бы не одно «но».

Именно эти двое присутствовали вчера в почётной троице, выдворявшей Лихо из недр ДК. Они могли остывать где-нибудь на изношенном асфальте Суровцев, не сумев отбить неожиданно свирепой атаки кровохлёбов. Или выжить. Но никак не двигаться навстречу с неестественной пластикой нежити, выставив напоказ перепачканные явно чужой кровью лица и камуфляжные куртки.

У всего этого мог быть только один, полностью исчерпывающий и разом снимающий все неясности ответ. Других вариантов попросту не предусматривалось. Во всяком случае, людьми, три с половиной десятка лет прожившими бок о бок с многочисленными «прелестями» Сдвига.

Ночью был Всплеск. О приближении которого не знала ни одна живая душа. И подавляющая часть мужского населения Суровцев, показывающая озверевшим кровохлёбам, что в теремочке живёт не абы кто, а вполне злобная особь, способная навешать по сусалам, – безо всяких слюнявых проволочек оказалась на чистом воздухе. Прямо под ударом Всплеска. Как караси, брошенные на раскалённую сковородку с высокими краями.

Сзади с тоскливой яростью негромко взвыла Лихо, быстрее всех сообразившая, какую жуткую пьесу для сегодняшнего утра поставила прошедшая ночь. Следом за ней, с разной степенью интенсивности, но крайне прочувствованно, отреагировали остальные. Суровцев, тех самых Суровцев, которые ещё вчера были для них домом, сегодня уже не существовало. И если бы не этот, получается, так кстати заваливший их дом, оградивший от Всплеска... Они бы сейчас находились по ту сторону баррикады мелкими разменными монетками Сдвига.

Нет, конечно, в висках горячо пульсировали отголоски надежды, но каждый уже сделал для себя соответствующие наиболее реальному положению дел прогнозы. Суровцы следовало покинуть, и как можно быстрее. Пока орда мертвяков не загнала их в угол и попросту не задавила массой, несмотря на нестандартные способности четвёрки.

«Стиляги» вдруг преобразились, как будто их спустил с невидимого поводка кто-то властный и жестокий. Изломанность, корявость пластики вдруг поубавилась, уступив место если не реактивным, то довольно шустрым и целенаправленным телодвижениям. Снулые, мёртвые глаза быстро заволакивало багровой пеленой непреходящего голода.

Алмаз ощерился, подготавливая «калаш» к непродолжительной работёнке, но Шатун сделал лаконичный жест тесаком. «Побереги патроны. Сработаю по-тихому».

«Стиляги» слаженно бросились в их сторону, вытягивая синюшные, в засохших красных потёках кисти рук. Шатун уверенно шагнул вперёд, и через полторы секунды глаз Алмаза сумел уловить только убойнейшее мельтешение тесаков. Ушей достигло чмоканье молниеносно рассекаемой плоти. Шатун вертелся рядом с ними огромной смазанной полутьной, наводя жути. Казалось, что «пешеходы» каким-то непонятным образом разваливаются на части, судорожно шевелящиеся в полутора десятках шагов от замерших в ожидании людей.

Ещё через пять секунд Шатун остановился, умудрившись не забрызгаться фонтанирующей во всех направлениях кровью, ещё не превратившейся в бурю жижу, остановился, глядя на творение рук своих. Голова, нога, рука – собери-ка мертвяка...

Неугомонный «бефстроганов по-мертвецки», не задерживаясь, обошли стороной. Жизненно важной необходимости дивиться на дрыгающиеся среди чахлой травки конечности никто не испытывал.

– А что нам в «конторе»? – Алмаз коснулся взглядом на Лихо, пружинисто идущую рядом с ним. – От Андреича, скорее всего, никаких директив, кроме желания окончательно вынести мне мозг, теперь вряд ли дождёшься... Разве что боезапасом уплотниться до полного душевного равновесия.

– Приспособу для деактивации Сдвига забрать надобно. – Блондинка зло хмыкнула. – Пока он на опережение не сработал и сам нас всех вульгарно не деактивировал. Думаю, что приспособа там, вряд ли Глыба её с собой таскать вздумал. В сейфе небось валяется, рядом с рецептом первача. Шифр я знаю. Всё-таки лицо, облечённое высоким доверием, не «подай-принеси»... Да и в оружейке вдумчиво пошарить не помешает, тут с тобой не поспоришь.

– Проблему осознал и к решению принял. – Алмаз аккуратненько выглянул из-за угла ДК, готовый выписать нужное количество свинцовых примочек любому вставшему у него на пути агрессору. Окрестности Дома культуры, к его превеликому облегчению, не кишели прожорливыми «пешеходами», способными превратить их тактичный и вынужденный налёт на сейф дяди Книжника в кровавый балаган. Четвёрка незамеченной проскользнула в «контору», закрыв за собой двери на засов.

Наверху, там, где располагалась оружейная комната, басовито жажнуло что-то внушительное, и сразу же последовал второй выстрел. Кто-то держал оборону, и, учитывая наличествующий в оружейке арсенал, держать её можно было до тех пор, пока могильщик не перекинется в стан вегетарианцев. То есть – почти до бесконечности.

– В оружейку! – Лихо мгновенно приняла решение. – В темпе!

Алмаз с Шатуном энергично, но без лишней спешки принялись подниматься на второй этаж, где снова обозначились признаки присутствия гомо сапиенса. В виде активного расхода боеприпасов.

«Хамелеоны» на груди у обоих вовсю полыхали безостановочным радужным переливом, просто-напросто захлёбываясь от частоты и яркости красок. Сигнализируя о том, что они знали и без подсказки: непосредственной близости живых существ, отмеченных вмешательством Сдвига. На генетическом, на физическом... да на всех уровнях!

От двери в оружейную комнату не осталось почти ничего. На дверном косяке, на одной петле, сиротливо висел скромный огрызок деревянной панели. Доходчиво разъясняющий понимающему человеку, что в небольшом радиусе от неё произошла веселуха с участием взрывчатых веществ. Выражаясь проще – была использована граната. Не «эфка-третья» – та бы поставила всю оружейку раком. Что-то попроще, вроде «УРки», более известной под простонародным названием – «хорошо, но мало». Замечательно подходящей для наведения качественного шороха в небольших замкнутых пространствах, без боязни того, что пространство вдруг окажется разомкнутым от переизбыточной мощи взрыва.

В прилегающем к оружейке холле живописно громоздились «пешеходы», разобранные на составляющие части, но без мизерной толики подражания эстетике Шатуна. Один из них, являющий собой гнусную пародию на стойкого оловянного солдатика, пополз в сторону друзей, оставляя за собой след бурой, едко пахнущей жижи, вытекающей из оторванной чуть выше колена ноги.

Шатун въехал «стиляге» подъёмом стопы в бок, отфутболивая его в угол. Туда, где находилась спиралеобразная лестница, уходящая на первый этаж.

Книжник с Лихо меланхолично проводили глазами улетающего через весь холл «пешехода». Причём во взоре книжочка легко угадывался только что родившийся в голове зарок – никогда не спорить с Шатуном на пендель. Даже самый лёгонький. Здоровье дороже.

Алмаз, осторожно перешагивая через уже довольно вяло трепыхающийся реквизит для съёмок ужастика, приблизился ко входу в оружейную комнату. Но заглядывать не стал. Нельзя было поручиться, что у человека, отстаивающего своё право глядеть на мир не через багровый туман вечного недожора, выдержат нервы. И он не ахнет по Алмазу из какого-нибудь восемнадцатимиллиметрового «Страйкера-Зеро». После чего все сожаления и признания чужой оплошности придётся выслушивать, восседая на желтовато-сером облачке. К чему Алмаз был не готов ни в каком диапазоне.

Он направил свой «дыродел» в одного из копошащихся на полу мертвяков, из глаза которого задорно торчала массивная бронзовая дверная ручка, после взрыва переменившая место прописки. Ещё у «стиляги» отсутствовали правая нога и правая рука по половину бицепса.

Алмаз потянул спуск, и ручка в глазу жертвы Всплеска ушла вглубь черепа, вылетев с обратной стороны. Спустя пять секунд он повторил выстрел, филигранно выбив передний зуб ещё одному «пешеходу». Зуб за зуб. Хорошо бы самому Сдвигу все челюсти на сто восемьдесят градусов развернуть...

– Есть кто живой? – почти тут же из оружейки донёлся недоверчиво-радостный, очень хорошо знакомый голос. – Или это «пешеходы» в русскую рулетку из «калаша» поиграть вздумали?

– Герман... Ты, что ли? – Алмаз просунул голову в дверной проём. – Точно, Знаток. А стволами-то обложился, а серьёзный-то какой... Сейчас описуюсь от зависти. Давай, делись по-братски, у тебя ж всё равно на все калибры рук не хватит.

– Для таких людей и собственной потенции не жалко! – Герман осклабился со всей приятностью, было видно, что он чертовски рад появлению Алмаза. – Хотя её и осталось-то – на особо торжественные случаи, не чета кроличьей... Заходи, выбирай, что душа требует! С учётом бойко обрушившейся вниз кривой социальной защищённости.

В перегородке, смастряченной из толстых арматурин и разделяющей оружейку на две неравные части, распахнулась дверь.

– Давно не виделись. – Лихо вторглась в святая святых Андреича. Где с любовью и педантичностью было определено и расставлено по своим ячейкам, ящикам, коробкам разномастное оружие. Несколько сотен разнокалиберных стволов многих мировых производителей «огнестрела», для продуктивного душегубства на самых различных дистанциях. Огнемёты, мины, пластиковая взрывчатка... Всё находилось в отличном рабочем состоянии – бери наугад и лупи от пуза. Без осечек, без накладок. С невидимым штампом гарантии на каждом стволе – «Хранится и обихаживается у Андреича». Бывший двадцатипятилетний старлей-погранец, выживший в адской давилке Сдвига и спустя двенадцать лет после этого ставший полновластным хозяином-попечителем-нянькой Суровцев, со всем, что могло стрелять хотя бы на расстояние большее, чем его собственный плевок, носился, как нумизмат с первой денежной единицей в истории человечества.

– Я смотрю, вся команда в сборе! – Настроение Знатка улучшалось прямо на глазах. – А то я уже думал, что так в одиночку и придётся свою линию гнуть... Потом «Стингер» – в рот, и – прости-прощай, родное Тихолесье. А судя по всему – помозолим ещё бельма Сдвигу. Верно ведь?

– Как подумаю, что придётся теперь твою болтовню выслушивать, сама готова хоть сейчас «Стингер» в зубы сунуть, – пробурчала Лихо. – Нет бы Глыбе здесь оказаться.

– На всех не угодишь! – Герман состроил шутливо-извиняющуюся мину. – В крайнем случае, могу поделиться «берушами», у меня где-то завалилась парочка. Правда, сам уже

полгода пользуюсь, и в несколько иных целях, о которых при даме и упоминать стыдно... Но – чем богаты!

Лихо состроила философски-обречённую гримаску: «Ну я же говорила – трепач!» – и, прихватив со стойки первое, что подвернулось под руку: трёхкилограммовый, увенчанный глушителем «Вал» с парой обойм, – вымелась из помещения. Хлопнув по «хамелеону», чтобы не отвлекал внимание. И без того понятно, что вокруг враги и бой наш будет жарким.

Книжник бросился следом, ухитрившись сцапать восемнадцатизарядную старенькую «Гюрзу» прежде, чем его остановил Шатун, присматривающийся к более солидным экземплярам, вроде принятого на вооружение перед самым Сдвигом винтореза «Вепрь-М». Из которого, собственно, Герман и мастырил «пешеходам» изъяны в анатомии.

Лихо шагала по коридору первого этажа, направляясь в угловой кабинет, где стоял сейф Глыбы. Книжник догнал её уже почти у самой цели, она без всякого энтузиазма ткнула ему пальцем возле себя: «Держись рядом!»

Судя по масштабам баталии, устроенной Знатком возле оружейной комнаты, «стиляг» в «конторе» остаться практически не должно. Ну, может быть, где в коридорах ДК и заплутал один-другой... Пустяки, дело насквозь незамысловатое, даже учитывая повышенную боеспособность «пешеходов». Лихо, конечно, никаким боком не Шатун, но «потрошитель» способен снести любую голову с плеч с одного взмаха. И неважно – первосортные в ней мозги или безнадёжно обглоданные Всплеском до «второй свежести».

Показав Книжнику глазами на дверь кабинета: «Открывай!» – Лихо изготовилась среагировать на малейшее нарушение личного пространства.

Дверь распахнулась. Из-за плотных, задёрнутых штор в кабинете царил сумрак. Блондинка настороженно повела «ВАЛОМ», обшаривая каждый квадратный сантиметр вотчины Андреича. Причин для целевого использования спецпатронов, с расстояния в стометровку пробивающих «броник», не имелось. Книжник, взявший на себя полномочия озвучить любые изменения обстановки в коридоре, молчал, как барельеф возле кабака.

Сейф стоял в углу. Небольшой, но тяжёлый несгораемый ящик, кое-где покоцанный выстрелами, напоминающий о разухабистых временах далёкой молодости. Лихо положила автомат рядом, на край выдавшего вида кресла с широкими кожаными подлокотниками, и повернулась к сейфу.

Два. Четыре. Шесть. Восемь. Глыба любил чётные числа и чёткое выполнение не менее чётких приказов, которые он всегда отдавал в полной и исчерпывающей манере. Замок щёлкнул, и Лихо потянула массивную дверь на себя, открывая сейф. Надеясь, что искомое действительно находится там и не придётся бегать по Суровцам, разыскивая Андреича. Живого или мёртвого.

Сзади раздался какой-то приглушённый, но явно сверхэмоциональный писк Книжника. Блондинка скупым, выверенным пируэтом развернулась к нему, подхватывая «Вал», привычно нащупывая спусковую скобу.

На неё, гипнотизируя багровым взглядом, вытянув вперёд руки с растопыренными пальцами, пёр Андреич. Откуда он тут взялся?

Краем глаза уловив прекращающееся колыхание шторы, Лихо нажала на спуск. Неизвестно, результатом чего стало пребывание бывшего смотрящего Суровцев в новом обличье в своём старом кабинете. То ли не до конца стёртая Всплеском генетическая память волевого, «железного» Глыбы, притащившая сюда мёртвое тело. То ли простая, иногда выпадающая на рулетке судьбы случайность.

«Вал» негромко отхаркался. Пули, вылетевшие из дула со скоростью двести девяносто метров в секунду, пробили мёртвую плоть насквозь. Магазин опустел за секунду с небольшим, Андреич сделался похожим на эксклюзивный дуршлаг, но не остановился. На перезарядку времени не было.

Лихо швырнула «Вал» в бывшего отца-командира, отпрыгнула вбок, на йоту разминувшись с распахнутой дверцей сейфа, рука легла на рукоятку «потрошителя».

– Дядя, – севшим голосом выдал Книжник, истуканом застывший в дверном проходе. Андреич резко обернулся, как будто в безжизненном мозгу крутанули какую-то релюшку, переключая его внимание в другую плоскость.

«Гюрза» ходуном ходила в поднимающейся руке Книжника, и глаза у очкарика были совершенно безумные, с ясно улавливающимся отблеском душевного надлома. Девятимиллиметровая, уже старенькая, но по-прежнему безотказная машинка то ловила приближающийся силуэт мертвяка, то её уводило куда-то вбок, вбок... Андреич приближался, камуфляжная куртка была насквозь пропитана чужой и своей кровью, хлещущей из сквозных ран.

Лезвие «потрошителя» вышло у Глыбы из горла и пошло в сторону, разрезая мышцы, трахею; мертвяк мотнулся влево, вправо... Лихо взмахнула «потрошителем» второй раз – и утяжелённое лезвие окончательно отделило голову от тела.

То, что ещё недавно было Андреичем, человеком, собравшим их всех под одной крышей, опекавшим их, как родных детей, грузно топталось посреди собственного кабинета, заливая скрипучий паркет липкой гадостью, фонтанирующей из обрубка шеи.

«Бах! Бах!» – Книжник словно вышел из ступора, остроносые пули «Гюрзы» кромсали тело «пешехода», ещё вчера бывшего самым близким родственником. – «Бах! Бах! Бах!»

Патроны кончились.

– Подвинься. – Книгочея унесло в сторону мягко и стремительно, но без потери равновесия. Мимо просочился Шатун, примчавшийся на звуки пальбы с самой сверхзвуковой скоростью, на какую только был способен. Тесаки описали в воздухе сложную кривую, и Глыба принялся распадаться на части.

– Прости, Андреич. – Шатун, до которого вдруг дошло, из кого он только что настрогал шашлыка, как-то покаянно взирал на елозящие у него под ногами анатомические пособия. – Так вышло...

Лихо вернулась к раскрытому сейфу, заглянула внутрь. Деактиватор Сдвига был там. Плоский, абсолютно невзрачный кругляш, без надписей, без ничего. Размерами с коробочку из-под монпансье, увесистый, с плавными краями. Точно, то самое.

– А чего он маленький такой? – Шатун заглянул ей через плечо, сопя как-то по-особенному уныло.

– Лучше, чтобы он был размером с чувство юмора Германа? – буркнула Лихо. – Тогда бы мы его в жизнь отсюда не увезли. Не на чем было бы...

– Да я просто так, от растерянности...

– Понятно, что ты не вынашивал эту шутку в течение последней пятилетки, шлифуя и оттачивая до полной филигранности... Уходим! – Деактиватор, как родной, улёгся во внутренний карман куртки, Лихо подобрала «Вал», тряхнула за шиворот клацающего челюстями книгочея, приводя того в чувство.

– А? – жалобно пискнул Книжник, отрываясь от созерцания наярывающих свою поганую кадрили конечностей.

– Так вышло, – веско обронила Лихо и подтолкнула его в спину, заставляя разорвать ещё одну нить, связывающую его, да и её тоже, с прошлым.

Герман не сказал ни слова: вне всякого сомнения, что-то прочитав на лицах возвратившихся. Или врубившись с помощью до предела развитого чутья, позволяющего делать верные выводы в сжатые сроки. Мало уметь дать укорот «камнерезу», надо ещё приспособиться читать мысли у братьев по разуму, даже если телепатические задатки отсутствуют напрочь. Плохой психолог, как показывают непрекращающиеся тесты на выживание, редко смеётся в финале.

– Грузимся и уходим. – Лихо вооружилась ещё одной модификацией нетленного «калаша» с бесконечно лирическим «погонялом» «Фаворит». Выбор был сделан, конечно же, не из-за романтического названия творения отечественных оружейников, имеющего полезное дополнение в виде подствольного гранатомёта. А из-за более чем достаточного количества боеприпасов к нему.

«Фаворита» дополнили два «Феникса», близкие родственники итальянской «беретты», обладающие веским достоинством в виде вместительного магазина. Не «два ведра патронов», конечно же, но двадцать пять тупоносых свинцовых «ос», пока что мирно сидящих в своих латунных «ульях», – хороший повод для того, чтобы прихватить их в неблизкий вояж.

Даже Книжнику оставили его «Гюрзу», дополнительно присовокупив максимальное количество обойм, которое только поместилось в карманах его одежды. Игрушки с «клопобоями», заряженными холостыми патронами, закончились бесповоротно. В крайнем случае, будет чем застрелиться, не попав на десерт к той же «свистопляске».

Шатун основательно загружался коробками, цинками – ходячий склад, которому выпало доставить всё это в гараж, где их будет ждать верный боевой четырёхколёсный конь Глыбы. На котором Лихо рассчитывала покинуть Суровцы в самый ближайший отрезок времени. Что будет, если этой ночью машина пришла в полную негодность, взлетев на воздух от шальной пули, клюнувшей в бензобак, или ещё по какой-либо причине, – Лихо старалась не думать.

– «Плескалка». – Книжник забрал стоящую на отдельной подставке круглую капсулу из плексигласа, в которую была помещена та самая желеобразная субстанция, способная улавливать скорое приближение Всплеска.

«Всё будет хорошо...» – невеликое воинство сгрудилось в холле второго этажа, словно оттягивая тот самый момент, когда придётся сорваться в неизвестность. К чёрту на рога, чтобы выломать их с хрустом, с корнем и засунуть лукавому под хвост. Для верности жажнув прикладом, чтобы поглубже вошли и усвоились.

– Присядем на дорожку? – Знаток был в своём репертуаре. Алмаз оглядел заваленный останками «стиляг» холл и усмехнулся.

– Ты сразу падай с разбегу, – посоветовала Лихо. – Чего мелочиться – присаживаться... Пошли, бездомные. Светлое будущее делать, не на барельеф же надеяться.

Оценив из окошка сверху степень возможной опасности и сочтя её уровень весьма ниже среднего, вывалились из ДК, со всевозможной прытью пошкандыбав в сторону гаража. Шатун, побагровев от натуги, тащил сразу три рюкзака, плотно набитых смертью.

– Достаточно одной маленькой пульки, – сказал Герман, оглядывая бугрящийся от ребристых боков «Ф-3» брезентовый бок самого большого рюкзака, – и запорхаем мы перемешавшейся горсткой атомов. Где я, где Лихо – хрен разберёт...

– Накаркаешь – убью, – с мрачной иронией предупредила блондинка. – Найду атом морды и атомом пятки та-ак надругаюсь... Понял?

– Да понял, понял... Только, судя по всему, нема в Суровцах больше личностей, способных сопротивляться с оружием в руках. Остались ты, да я, да ещё три везунчика. Прочих Всплеском отутюжило да «пешеходы» на зуб взяли. Я так до сих пор и не понял, как у Митрича соскользнуло? Он же должен был дней за пять знать; не помню я, чтобы он не знал...

Лихо ничего он ответила, отвернувшись в сторону, держа «Фаворита» на изготовку. Дерьмовое времечко подвалило, неизвестно, что откуда выпрыгнет, выскочит, какую рожу скорчит.

Они двигались, прикрывая оставшегося почти беспомощным Шатуна. Герман и Лихо – спереди, Алмаз и Книжник – сзади. Гараж был уже близко.

Алмаз окинул взглядом окрестности, сплюнул вдруг почему-то ставшей очень горькой и вязкой слюной. Было ясно, что уходить следует немедленно, оставляя всех (а они,

бесспорно, были!) оставшихся в живых на произвол судьбы. Но искать кого-то ещё, бегая по Суровцам с «дыроделом» наперевес, глобально рискуя оказаться на обеденном столе «пешеходов» в качестве основного блюда, – не то чтобы не было никакой возможности. Скорее – никакой целесообразности. И с этим приходилось уживаться, с жутким скрипом, но мириться. Хотя Алмазу, воспитанному в рамках морального кодекса Глыбы, гласящего о постоянной необходимости спасать всех, до кого только можно дотянуться и кто этого достоин, было не по себе.

«Горыныч», любимец Андреича, красующийся на своём обычном месте в гараже, был невредим. Внушительный представитель клана военных внедорожников, усовершенствованная модель незабвенного ГАЗ-2975 по кличке «Тигр», с увеличенной грузоподъёмностью, скоростью, дополнительным встроенным вооружением. Боеприпасы к вооружению, правда, давно были использованы, и новых комплектов добыть не удалось, несмотря на все старания Глыбы. Бронированный, полноприводной, ни разу не подводивший прежнего хозяина. Рядом сиротливо приткнулись ещё несколько драндулетов насквозь гражданского облика, на которые никто не обратил ни малейшего внимания. «Горыныч» по сравнению с ними выглядел как настоящий мамонт рядом с кучкой розовых фарфоровых хрюшек.

Ключи висели на гвоздике, там, где им и полагалось находиться. Глыба в последние годы никогда не таскал их с собой, здраво рассуждая, что в Суровцах нет ничего личного, кроме пошедшего в использование лоскута бумаги в местах общего пользования. Если вдуматься, то в посёлке царил самый настоящий, безрезультатно обещанный историческими личностями прошлого коммунизм. Нет, конечно, на ячейку общества – семью никто не покушался, а что касается всего прочего... При любой необходимости оно могло быть безоговорочно и молниеносно свалено в общий котёл.

– Сгружайся... – Шатун с облегчением нежно положил на бетонный пол гаража до предела упакованные рюкзаки и встряхнул руки. Переборщил немного, несмотря на свои беспрецедентные физические данные. Ничего, лучше немного напрячься сейчас, чем потом, думая, каким бы макарон родить ещё пару дополнительных обойм.

Знаток подцепил ключи и полез заводить машину. Лихо ничего не имела против того, что он сядет за руль. Несмотря на ехидный нрав и порою чересчур колкую языкастость, Герман был отличным водителем, умеющим управляться с «Горынычем», как сам Глыба.

Рюкзаки были заброшены в грузовой отсек, где к ним прибавилось ещё несколько канистр с дизельным харчем для «Горыныча». Жрёт, падла, не в пример сказочному – тот одной красавицей в месяц обходился, а на этого же не напасёшься...

Движок «Горыныча» работал с радующей слух отлаженностью и бесперебойностью. Хозяйство Глыбы передавало последние радостные приветы, вызывающие тихую печаль вперемешку с дикой ненавистью к тем, кто в погоне за новыми источниками энергии способен пускать в утиль всё что угодно, кого угодно, в каких угодно масштабах.

Герман вывел размалёванного в маскировочные цвета монстра на оперативный простор и высунул довольную физиономию в окошко.

– Занимайте места, сегодня проезд бесплатный! Эх, прокачу! Бензин ваш, идеи – тоже. Быстрее, пока «пешеходы» не расчихались.

Алмаз запрыгнул на переднее сиденье, рядом со Знатком. Шатун сел сзади, Лихо и Книжник приткнулись к гиганту, чуть-чуть не упирающемуся макушкой в потолок кабины, по бокам, благо габариты внутреннего пространства «Горыныча» позволяли сделать это без излишних трудностей.

– Маршрут бы неплохо уточнить, – кинул в пустоту Герман. – Я, конечно, могу отвезти куда угодно. Да ведь у вас, как я догадываюсь, какие-то намётки образовались. Или как?

– Давай в Замурино. – Лихо кинула взгляд в окно, увидев замаячивших невдалеке «стиляг» в количестве сразу целого взвода. – А там видно будет...

«Горыныч» тронулся с места, знакомые пенаты поплыли мимо окон бронированной громадины внедорожника, пропадая из виду. Алмаз смотрел в одну точку, глаза были абсолютно сухие – не пристало матёрому волку, бойцу, сентиментальничать, но в душе стало одним дотла выжженным участком больше. Прощайте, Суровцы!

Глава пятая

До дороги, ведущей в Замурино, было не больше минуты езды. Внедорожник уверенно катился по щербатому асфальту, приближаясь к главному посту. «Пешеходов» становилось всё больше, словно они выходили проводить оставшихся в живых. Только в их глазах, вместо прощальной грусти, по-прежнему колыхалась багровая пелена голода. Печати Всплеска.

Слева и справа, вынырнув из-за угла древней блочной пятиэтажки, показались ещё две группы мертвяков, экземпляров по тридцать – сорок в каждой. Улица в этом месте сужалась, если немного промедлить – они закупорят своими телами проезд, и придётся делать крик, чреватый неизвестно какими последствиями.

– Гони! – Алмаз с ходу врубился в вероятную опасность, но Герман уже перебрал скорость, от души притоптал газку, заставляя «Горыныча» буквально прыгнуть вперёд, на прорыв.

– Па-абереги-ись! – Знаток вжался в кресло, ожидая неминуемого удара. Разминуться с парой «пешеходов» не было никакой возможности, они сунулись наперерез, стоя прямо на пути.

Прежде чем усиленная «кенгурятником» – шипастой решёткой, сваренной из стальных труб – личным дополнением Глыбы, – угловатая морда почти шеститонного «Горыныча» смяла два потерявших человеческих облик силуэта, Алмаз успел узнать одного из них. Это был тот самый любопытный молодой дозорный, в числе других сменивший их с Шатуном вчера вечером на посту.

Внедорожник тряхнуло, но несильно. Колёса раздавили что-то податливое, превращая это в бесформенный набор костей и плоти. Книжник утробно ёкнул, но сдержался, не испачкав салон содержимым своего желудка.

«Горыныч» смёл с пути ещё одного, зацепил крылом ещё, ещё... Но прорвался, не завязав в наплывающем в двух сторон скопище мёртвой плоти, ведомой одним инстинктом.

Знаток перевёл дух, ухмыльнулся, глядя в зеркало бокового вида, как толпа «пешеходов» продолжает преследовать их, несмотря на быстро увеличивающийся разрыв в расстоянии.

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл. А от вас, фанатов сыроедения, и подавно дёру дам.

Внедорожник проскочил пост, вдребезги разнеся опущенный шлагбаум, – времени соблюдать все приличия и покинуть машину, чтобы поднять его, не было. Тем более что в опасной близости ошивалось ещё с десятков персонажей утреннего кошмара.

– Всегда мечтал это сделать! – Знаток хлопнул по «баранке», провожая взглядом разлетающиеся обломки полосатой преграды. – Вроде бы и юность уже давно пропала за зонтом, а всё никак не могу на степенность и прочие атрибуты прилегающего возраста перестроиться... Шалун, одним словом!

Лихо скептически, чуть заметно покачала головой, соглашаясь с «шалуном». Шалун, Шатун, сплошные шипящие, ещё какого-нибудь Шамана не хватает, просто так, для комплекта. Один бы делал, второй трепался, а третий многозначительно молчал.

– О чём думаешь, красивая? – Герман посмотрел в зеркало заднего вида на молчащую Лихо. – Может, расскажете, что вообще происходит? Давай, не томи душу, выкладывай. Мы теперь в одной сцепке, чего уж там...

– Книжник, просвети кратце... – Лихо дала знак очкарику, и тот заговорил, посвящая Знатка в детали вчерашнего общения с представителем параллельного мира.

– ...В общем, как я понял – *наша* точка является ключевой, как бы основным пунктом, не задействовав который, не получится вообще ничего, – деловито пояснял Книжник. –

После запуска деактиватора начнётся цепная реакция, уходящая уже за пределы Земли, в результате которой всё должно вернуться на круги своя. Вероятность удачного завершения операции, со слов бывшего обладателя деактиватора, – примерно семьдесят пять – восемьдесят процентов.

– И, как я понимаю, вы собрались довести начатое до логического завершения, – задумчиво сказал Герман, когда Книжник иссяк.

– Изумительная безупречность логики, – пробормотала Лихо, нащупав лежащий в кармане деактиватор. – Нет, я собиралась его на первой же барахолке обменять на фуфырик огуречного лосьона. Если, конечно, такой сыщется в наше время. И нажраться до невменяемости. Ты ведь мне веришь, Знаток?

– Изумительная утончённость юмора: – Герман начал плавно поворачивать руль, вписывая машину в поворот. – Но, продолжая логически развивать твоё предыдущее высказывание, мы получаем следующий вираж сюжета. Так как огуречного лосьона сейчас не сыскать, даже в обмен на мою жизнерадостность, то остаётся только одно. Пойти и употребить его по прямому назначению. Не лосьон. Деактиватор.

– Найти бы человека, который тебя на кривой «кляксе» объедет, – сказала Лихо. – В точку, Знаток. В самую что ни на есть точку.

– Я так полагаю, что координаты точки вам известны?

– А как же... Книжник, вноси дополнения.

Очкарик без промедления извлёк из глубин своего «харда» нужный файл и ознакомил Германа с его содержимым. Замолк, ожидая ответной реакции.

– Путь неблизкий, да всё буреломами. – Знаток вынес свой однозначный вердикт и почесал бороду. – Сколько, говоришь, времени до полного экстаза неконтролируемой халявы осталось? С месяц?

– Не больше месяца. – Лихо покривила губы. – Я, если честно, на Андреича рассчитывала. Мы, хоть люди не криворукие, но у него всё же связи и тому подобная амброзия. Сам понимаешь, ему поверили бы гораздо быстрее, чем нам всем вместе взятым... Тем более что всё это в большей степени смахивает на полную и законченную шизофрению. В крайнем случае – на фантастический рассказ, коллективное творчество отделения для детей с задержкой умственного развития. Если бы я не умела отличать правду от остальных побрехушек, то сама ни за что бы не поверила...

– Истину глаголешь, дитя моё. – Герман задумчиво крутил руль, «Горыныч» уверенно мчал по знакомым пейзажам, приближаясь к Замурино. – У Андреича была шикарная перспектива возглавить крестовый поход против этой опостылевшей прозы бытия. А уж как я буду скучать по его фирменному первачу, ты просто не представляешь...

На несколько минут воцарилось тягучее, неловкое молчание, впереди замелькали окрестности Замурино. Знаток сбросил скорость, превратившись в живой сканер, прочёсывающий прилегающую местность. Как, впрочем, и весь остальной экипаж внедорожника. Признаков жизнедеятельности видно не было. Вообще никаких.

– Или это не слишком искусная западня. – Герман оторвался от созерцания крохотного поселения. – Или здесь стряслось что-то, не укладываемое в широкоформатные рамки моего жизненного опыта. Больно уж тихо, полное благолепие... Как на погосте.

– Всеобщая точка зрения высказана в полном объёме. – Алмаз ещё раз пробежался взглядом по виднеющимся как на ладони строениям. Замурино в ярких лучах розоватого дневного светила производило впечатление если не ужасное, то вполне гнетущее. Несколько кирпичных домишек, пара качественно проржавевших, но пока ещё худо-бедно годных ангаров, исполняющих сразу несколько функций, вроде склада, гаража и прочих социально необходимых элементов. И единственная пятиэтажка, точнее – бывшая пятиэтажка, у которой почти полностью был снесён пятый этаж. Всё бы ничего – по Материку хватало таких вот

напрочь заброшенных, опустевших островков, дававших людям кров и какое-нибудь занятие, с помощью которого можно было иметь свою корку ржаного. Но сидящая в «Горыныче» пятёрка чётко знала, что ещё вчера в Замурино если не кипела, то вполне побулькивала размеренная «жизнь». Не могло в Замурино не остаться *вообще* никого, хотя бы один «пешеход», если предположить то, что Всплеск достал до поселения, – просто обязан был болтаться здесь, похабя бытие своим небытием. Что здесь стряслось? Что?

– Едем дальше? Или сделаем короткую остановку? – спросил Герман. – Я высказываюсь «за». Если коллектив «против» – продолжаем колесить.

Лихо коротко переглянулась с полуобернувшимся к ней Алмазом, Шатуном. Кивок, кивок, кивок.

– Лады. – Лихо выразительно посмотрела на Знатока. – Объявляется вылазка. С целью пополнения продуктового запаса. Идут Алмаз с Шатуном, остальные остаются на месте. Возражения есть?

Каким-то подобием возражения робко попытался разродиться Книжник, но был мгновенно приведён в чувство выкашивающим все ростки инакомыслия убийственным взглядом Лихо. Герман барабанил пальцами по рулю, искоса посматривая на примолкшего книгочея, уставившегося в окно с видом человека, потерявшего смысл жизни. Потом хлопнул его по плечу, ободряюще подмигнув.

Повернулся к Лихо.

– Несколько коробок с сухпаем должны находиться во-он там. – Он показал пальцем на ангар побольше. – В комнатухе, рядом со слесаркой. Как заходишь – налево. За остальное не скажу – не знаю... Удачи!

Алмаз на миг опустил веки, благодаря за информацию. Вылез из кабины, привычно перехватывая «калаша» так, чтобы в любое мгновение пустить в работу, не затрачивая дополнительных усилий. Лихо вышла следом, выпуская Шатуна.

– Без геройства, мальчики. Я, конечно, на сто кругов уверена, что вы вдвоём всё Замурино на молекулы раздербаните, если такая надобность вдруг возникнет. Но – не стоит. Тем более что от этого нового набора аномальных изысков смертушкой смердит гораздо резче, чем в недавнем прошлом. Так что без фанатизма, сухпай прикарманили – и обратно. Если его хозяин вдруг объявится, в полном адеквате и здравии, кантуйте сюда, потолкуем с удовольствием. Давайте, ни пуха ни пера!

– К чёрту! – сплюнул Шатун. Алмаз тоже плюнул себе под ноги и двинулся вперёд, наблюдая, фиксируя, сопоставляя. Шатун, страхующий его с помощью аргумента, носящего название «Вепрь-М», с расстояния в полсотни метров и с одного залпа оставляющего от человека что-то невнятное, шёл чуть позади. Замурино приближалось, Алмаз превратился в один сплошной комок нервов – но всё оставалось без изменений. Тишь, гладь, покой... Натянутые, как яйца толкача наркоты в мозолистой ладони Андреича. Давящие, ненормальные.

До указанного Германом ангара оставалось всего ничего – десятка полтора шагов. Алмаз обошёл небольшую кучу битых кирпичей и замер.

Перед ним находилось что-то непонятное, не поддающееся моментальному осмыслению, но вызывающее быстрое появление шершавого, сухого и приличного по размерам кома в горле. Шатун оказался рядом сразу после того, как Алмаз застыл, вглядываясь в непонятную находку. Всмотрелся сам, тряхнул головой, отгоняя внезапно и цепко присобачившийся к душе страх. Закрыв глаза, надеясь, что это ему померещилось, пригрезилось, и перед ним всего лишь продолговатая и довольно широкая рытвина, глубиной примерно в четверть метра, без...

– Да что же это за... – До Алмаза внезапно дошло, *что* он видит перед собой. И его беспощадно и незамедлительно вывернуло на землю, тугими спазмами выскребая из почти пустого желудка всё подчистую. Шатун оказался покрепче и просто отвернулся, не в силах

смотреть на эту рытвину, покрытую грязно-красной кашцей, слизью, утерявшей всё сходство с очертаниями человеческой фигуры.

Это выглядело так, словно человека под огромным давлением размазали по земле. Как большим пальцем размазывают по столу или по стене насосавшегося крови клопа. Шатун взгляделся – невдалеке от этой рытвины виднелась ещё одна, и ещё... Да что здесь произошло, вашу мать?!

Алмаз вытер губы рукавом, ощущая во рту стойкий вкус кислятины. Сплюнул, посмотрел на Шатуна, с посеревшим лицом озирающегося вокруг. У самого входа в ангар была видна ещё одна продолговатая вмятина, заполненная всё той же вызывающей рвотные позывы слизью. Начинающей подсыхать и схватываться сверху мелкобугристой, трескающейся, коричневатой корочкой. На которую уже налетали вездесущие крупные, с зеленоватым отливом мухи, почему-то оставленные Сдвигом без каких-либо изменений. А, собственно, что ещё можно ухушить в обычной трупной мухе?

Алмаз сделал шаг вперёд и понял, что странности на этом не закончились. Давленная до состояния кровавой размазни человеческая плоть пахла как-то необычно. В воздухе витал какой-то пряный, щекочущий ноздри запах. Не резкий, не всепроникающий, но неотступно висящий над рытвинами с их жутким содержимым. Самым худшим было то, что он не раздражал, от него не хотелось зажать нос и уйти как можно дальше. Он никак не сочетался с тем, чему он сопутствовал. Он не состыковывался с происшедшим, он был неправильным, *неподходящим...*

Дверь ангара была наполовину раскрыта, Алмаз сделал широченный шаг, почти прыжок, не желая ставить ногу в рытвину, которой было не миновать.

И остановился, внутренне зайдясь в тоскливейшем душевном вое. В полуметре от входа внутреннее пространство ангара шагов на десять вперёд было сплошь усеяно всё теми же багровыми, разнооттеночными, чуть выпуклыми кляксами, разве что не вдавленными в землю, а расплёсканными по бетону. Пряный запах стал чуть более резким, начиная кромсать желудок новыми позывами.

Алмаз сунул нос в локтевой сгиб поднесённой к лицу левой руки, стараясь дышать пореже. Натужно сглотнул слюну – раз, другой. И шагнул, стараясь ставить ногу как можно твёрже, представляя, что под ним просто бетонным пол, самый банальный пол, разве что самую малость пружинящий под ногами, неправильно пружинящий, бесконечно...

Открывший дверь до конца с коротким, но очень интенсивным визгом ржавых петель Шатун заглянул внутрь, закашлялся от неожиданно открывшейся ему картины и лезущей в нос пряной волны, хоть и заметно идущей на убыль. Алмаз, не оглядываясь, мотнул головой: «Оставайся снаружи!» – и пошёл, отыскивая место, о котором говорил Герман.

Налево, налево... Ангар был разбит на несколько разновеликих отсеков-закутков, возле одного из которых грудой было свалено разнообразное железо, имеющее явные следы слесарного воздействия.

Алмаз заглянул в соседнюю комнату справа от него, заваленную всяким хламом, без каких-либо следов сухого пайка. В комнату слева...

Упаковки нужного ему добра были заботливо уложены в чёрный тряпичный мешок, словно кто-то знал, что Алмазу так будет удобнее... Бред чистой воды, конечно же. Никто не ждал, когда он придёт, подготавливая сухпай для более удобной транспортировки; хозяин явно думал только о себе любимом. Но недавние события всё выгнули под самым неожиданным углом, поменяли приоритеты, поставили всё с ног на уши...

Алмаз не стал досконально обшаривать ангар – главная задача была выполнена. Да и новые впечатления не принесли никаких положительных эмоций, подталкивающих к дальнейшему шмону. Замурино, как и Суровцы, перестало существовать.

По-прежнему ощущая сквозь ткань рукава пряный аромат мертвечины, Алмаз вернулся к выходу, почти пробежав метры, отделяющие его от двери ангара. Шатун бдил, как первоклассная система слежения, и возле его ног не лежало ни одного ушатанного монстра, что позволяло немного перевести дух. Что бы ни резвилось в этой местности, обходясь с замуринскими так же, как асфальтовый каток обходится с оказавшимся на его пути червяком, сейчас его здесь не наблюдалось. Иначе бы, скорее всего, глинистая почва в Замурино пополнилась ещё двумя углублениями...

Напарники сноровисто, хотя и с отчётливым ощущением того, что Шатун доходчиво охарактеризовал как «очко жим-жим, но стыдиться как-то не тянет...», добрались до «Горыныча». Алмаз с ходу продемонстрировал добычу, перекинул её Лихо и, плюхнувшись на сиденье, начал яростно жестикулировать в довесок к короткому «уматываем!», давая Знатоку понять, что не хочет задерживаться здесь ни одной лишней секунды. Ни за какие разносолы, «кляксе» их в любую область!

Герман не стал перечить. На лицах Алмаза и Шатуна всё было отражено гораздо впечатлительнее, чем это можно выразить словами. «Горыныч» рванул с места, набирая скорость, и через полминуты Замурино уже скрылось за деревьями. Оставив о себе лишь память, безумную память, в которой было место только рытвинам, на стенках которых подсыхала слизь с преобладающими оттенками багрового и красного. И витающего в воздухе запаха чего-то пряного, неузнаваемого, способного с этого времени вызывать только одну ассоциацию...

– Что там было? – спустя несколько минут затянувшегося молчания спросила Лихо. – Да не молчите вы, мать вашу дырявым ведром по шнобелю! Быстро прочухались и выложили! Всё, раскрыли душу, процесс пошёл!

Алмаз, не вдаваясь в подробности, сжато, в несколько фраз, описал всё увиденное. И вдобавок – унюханное.

– Я с таким ни разу не встречался. – Герман смотрел вперёд, на дорогу, но взгляд иногда растерянно рыскал, потухал. – А уж я повидал – мама, не куксись. Это что-то новенькое Сдвиг из загашника притопырил. Век живи – век удивляйся. Особенно если треть этого века приходится на такие вот мутные пертурбации...

– Логично. – Лихо скорбно пожевала губами, её глаза тоже поблёкли, но без той сероватой дымки, обычно предшествующей обнаружению лжи. – Сколько ещё нам открытий дерьмовых сделать дано на пути... Я вроде бы девочка не из пугливых, а пробирает. Честно.

– М-да... – глубокомысленно изрёк Книжник. – Подписываюсь под каждым словом.

Лихо ничего не ответила на очередное подтверждение того, что в коллективе царит чудное единомыслие. «Горыныч» двигался вперёд, пожирая расстояние бывшей федеральной трассы, за эти годы превратившейся в нечто, характеризующееся сплошь непечатно. По дословному выражению того же Знатока: «Сдвиг бы по этой непроходимости разок прокачать на отечественном автопроме, он бы устыдился, испугался и поспешил откланяться...»

Неизвестно, как в действительности обстояли дела с отечественным автомобилестроением до Сдвига, но «Горыныч» не шибко пасовал перед разбитой четырёхполоской, разменивая километр за километром.

– Ладно. Панихиду справлять будем, когда точно поймём, что анусом дышать – ну никак не выходит. – Герман шустро завертел «баранку», объезжая особенно похабную ямищу, способную сконфузить и полноприводного монстра, созданного оборонкой. – Есть вопросы более насыщенные. Всё-таки не на чахлый променад в полсотни кэмэ подписываемся. Пять тысяч вёрст – и то если по прямой, да с попутным ветродуем. Есть какие-то инициативные предложения? Пожелания? Конструктивная критика? Давайте, вносите общий вклад в великое дело – не мне же одному серым веществом вибрировать на предельных мощностях... И вообще – ничего, что я тут вроде как больше всех воздух сотрясаю? Для пользы

дела, конечно же, но вдруг кому это поперёк тонкой душевной конституции? Я же всё-таки человек сторонний.

– Если бы меня в последние несколько часов хоть чуточку *торкнуло*, – Лихо улыbnулась самым уголком рта, – я бы тебя из-за руля собственноручно выкинула ещё в Замурино. Чтобы шёл на все триста шестьдесят градусов одновременно, мелкими шажками. Или там – вприпрыжку, как тебя больше устраивает... Считай, что ты в команде, если, конечно, у тебя нет других планов на будущее.

– Я, конечно же, слишком стар для всего этого дерьма. – Герман сделал шутливо-плачущее лицо. – Но ввиду того, что все мои планы пребывания в Суровцах откладываются по вине форс-мажорных штучек-дрючек... Короче – согласен на должность массовика-затейника, причём сугубо за харчи и овации развлекаемых. Оцените мою сговорчивость. Остальное – по обстоятельствам. Договорились?

– Если бы я знала индивидуума, с которым бы ты не договорился, – Лихо улыbnулась чуть явственнее, – я бы ему самолично небо в брюликах показала. Всеми возможными способами.

– Короче, договорённость вступила в силу?

– Точно.

– Вот и ладненько! – Герман усмехнулся и посерьезнел. – Лирика кончилась, началась работа. Ещё раз спрашиваю – есть какие-то предложения, доводы, ещё что-то? У нас ведь теперь только один вариант – бодаться до упора и молиться, чтобы упор не треснул. До бывшей Первопрестольной сначала добраться надо, потом – Урал, Сибирь. Места исторические. Жаль только, что к досдвиговой эта история никакого отношения не имеет.

– «Зайти – не выйти», «Душегубка», «Чёртов заповедник»... – встрял в разговор Книжник или желая блеснуть эрудицией, или оттого, что ему надоело присутствовать здесь в виде бессловесного статиста. – Да как же мы...

– Молча! – оборвала его Лихо. – Или с криком. Как было сказано выше, хотя и немного по другому поводу, – «по обстоятельствам».

Книжник замолчал, покосившись на блондинку; впрочем, без какого-либо налёта обиды на лице. Виноват, сглупил-с...

– Нескромно замечу, что есть в моём присутствии один небольшой, но очень упитанный плюстик. – Знаток игриво поднял бровь и снова стал серьёзным. – Я те места, в которые нас судьбина из Суровцев перепасовала, – знаю. Не каждую кочку, конечно же, – но на три четверти *отметился*. Тёмные места, позвольте доложить без всякого жеманства. Книжник верно перечислил, но только самые *прогремевшие*. Да только их там поболее наберётся – конечно, не такой крупняк, как «Душегубка», но есть тревожные, есть... Возможно, придётся в обход петлять.

– В срок-то уложимся? – пробасил Шатун. – А то «петлять» можно до бесконечности, слышал я про такие выкрутасы...

– А тут как в лотерее! – Знаток пожал плечами. – Я, конечно же, не Ваню Сусанидзе, который, насколько мне известно, никому в хреновые навигаторы не нанимался. Сделаю, что могу. Но гарантировать, сами просекаете, не получится. Это вам не в сортир поутру навещать. Давайте загадывать не будем. Сначала до бывшей златоглавой доберёмся, потом ещё шажок-другой сделаем. Глядишь – и мы уже в кандидатах на получение специально учреждённой награды «Нагнувшие Сдвиг», первой и единственной степени. Что касается связей Андреича, о которых так прочувствованно вздыхала наша единственная представительница прекрасного пола, – есть они и у меня. Не так разветвленно, но конечно же, но вполне приемлемо. Глыба был человеком *государственным*, хотя осталась от того государства лишь похабная пародия. Уродливый слепок. И знакомства у Андреича были повыше – это да. А

у таких как я – перекасти-поле, завязки другие. Уровень, конечно, не тот, но хлама в друзьях не держим-с. Моральные принципы, ага.

– Звучит обнадеживающе. – Лихо глядела в окно, за которым проносился смешанный лес, пестрящий всеми оттенками синего. – Да ещё с учётом того, что моё *чутьё* безмолвствует, как «клякса» после правильного воздействия. Впрочем, и до него – тоже.

– Ну вот консенсус и явился во всём великолепии. – Знаток взгляделся вперёд, туда, где замаячило что-то похожее на придорожную закусочную. – Предлагаю перекусить. Конечно, после новых замуринских пейзажей кусок в глотку с натугой полезет, но всё же надо попробовать. От каждого куста мандражировать не годится. Будем бдить с тройным усердием – только и всего. В конце концов, я фаталист, хотя никому раньше в этом не признавался...

– Давай. – Лихо кивнула одна за всех, будучи уверенной, что возражений не последует. – Ломать хребет оппозиции лучше на сытый желудок...

– Золотые слова.

«Горыныч» монументально остановился на обочине, метрах в пятнадцати от приземистой постройки, чем-то неуловимо напоминающей дзоты Второй мировой. Построенной из причудливой смеси брёвен, бетонных блоков и металлических конструкций. Лихо видела эту забегаловку, случалось проезжать мимо, по пути в Первопрестольную, по делам Глыбы. В качестве вооружённого сопровождения и «детектора лжи», естественно... Но вот останавливаться и дегустировать – как-то не приходилось. Возле «дзота» находился средних размеров мангал, только что отягощённый несколькими шампурами. Возле мангала неторопливо и уверенно хозяйничал субъект лет сорока, чернявый, курносый, длиннорукий. Вроде бы лениво мазнувший взглядом по прибывшим, но чувствовалось, что оценка им будет дана самая исчерпывающая. Хозяин придорожной забегаловки – должность непростая, нервная, учитывающая количество любителей набить желудок мясом на халяву. Вон и дробовичок под рукой имеется, дающий понять, что лучше заплатить и есть без проблем.

Алмаз потянул носом.

– Собачатина, поди...

– Скорее всего. – Герман покопался в рюкзаке с боезапасом, выудил оттуда две «УРки» и уверенно направился к свободному, врытому своими двумя опорами в землю деревянному столу. – Это нам ещё повезло, что пёсик на шампуре доходит. Мне как-то случилось «попрыгунчика» дегустировать. Вот где больше слюной изойдёшь, чем наешься. Вкусный, зараза, но жилисты-ы-ый... А так – вполне организмом усваивается. А Тузика или там Барбоску я оприходую за здрасте...

Хозяин перевернул шампуры и неторопливо направился к рассаживающейся за стол пятёрке. Помимо дробовика, оставшегося стоять возле входа в «дзот» и выглядевшего вполне привычной деталью интерьера, Алмаз углядел у чернявого ещё одно изобретение пытливого инженерного ума, притороченное сбоку. Одну из разновидностей «KF-AMP», штатовской машинки с магазином на шестьдесят «маслят». Наверняка и патрончик в стволе имеется, чтобы со сдачей не волокитить, случись что...

– Мэтрам кулинарии моё почтение! – Герман широко улыбнулся, приветствуя хозяина безымянной харчевни. – Как делишки, Ловкий? Идут в гору с Божьей помощью и вот этого...

Он кивнул в сторону дробовика, продолжая доброжелательно улыбаться. Не сказать чтобы чернявый расплылся мёдом по карамельной глазури, но его настороженность почти исчезла, уступив место некоторой расслабленности. Знаток он явно знал.

– Да куда там – «в гору»?! – Ловкий вроде бы раздосадованно махнул рукой, опровергая слова Германа. Но в его глазах ворохнулась какая-то лукавинка, доказывающая обратное. – Клиент нынче пошёл ушлый, так и норовит всякое барахло подсунуть... – Чернявый снова замахал длинными руками, но Алмаз подумал, что прозвище «Ловкий» он получил явно не

за умение насаживать на шампур по пять кусков одновременно. Хватко мужчина держит «пукалку», уверенно...

– Ну мы-то люди солидные! – хохотнул Герман, выкладывая «УРки» на отполированные множеством рук доски стола. – Нам по мелочам разбазариваться совесть не позволяет. Сообрази-ка на всех. А то лично у меня в желудке уже недовольство крепнет, а там и до более серьезных беспорядков недалеко. Думаю, что коллектив со мной солидарен.

Коллектив был солидарен, единодушен и слился в едином порыве, обоняя дурманящие запахи. Ловкий, в глазах которого растаяла последняя льдинка возможного недоверия, спокойно сгрэб со стола гранаты и вернулся к мангалу.

О том, что такое наличные деньги, обитатели Материка не помнили уже давно. Везде царил его Величество Натуральный Обмен, представленный во всём блеске и великолепии. Оружие и боеприпасы, на которые можно было выменять всё что угодно, проходили первыми пунктами в списке жизнеобеспечения. Самые порядочные меняли всё по уже устоявшемуся, хотя и всегда могущему быть подкорректированным ценнику. У персонажей, предпочитающих брать своё на дармовщинку, подкрепляя свою жизненную позицию разнокалиберными доводами, было два выхода. Или они получали своё, или их довод менял владельца, оказавшегося более расторопным и умелым в плане обращения со всем, в основе чего лежит принцип действия сжатых пороховых газов.

После Сдвига, когда первичные хаос и растерянность прошли, жизнь начала потихоньку налаживаться, хотя от прежнего социального устройства осталось то, что ранее упомянул Герман. Уродливый слепок.

Собственно, первые десять лет, кроме констатации факта, что был единичный случай буйства какой-то аномалии, в одночасье унёсшей чёртову уйму жизней, про Сдвиг как таковой никто не задумывался. Явных, да и косвенных признаков того, что главное – впереди, не имелось. Основные суждения по вопросу звучали примерно так: «Ну что-то было. Да, поганое. Да, жуткое. Но ведь прошло же?» Жизнь вроде бы пошла своим чередом, если не считать того, что население сократилось *изрядно* и за две пятилетки восстановилось всего на пяток-другой процентов; колесо цивилизации продолжило крутиться, ещё не осознавая, что это происходит по *инерции*.

Как показали дальнейшие события – ничего не прошло.

Стартовую десятилетку Сдвиг *разминался*, подготавливая почву для более убойных «шалостей». На те же мутации, поначалу кажущиеся несерьёзными, немассовыми, почти никто не обращал внимания: что-то похожее встречалось и раньше. Пусть и в два раза меньше. Но ведь не в двадцать же? Кто-то из учёных бил тревогу, но, как частенько водится, его никто не слушал. А даже если бы и прислушались, это всё равно ничего не изменило...

А потом – грянуло. *Разразилось*: убийственно, паскудно, бесповоротно... После первого *жуткого* Всплеска экология, в которой прилежно и потаённо строился плацдарм для новых сюрпризов, принялась выкидывать фортель за фортеlem, естественно – не дающих поводов для умиления. Совершенно ублюдочные твари объявлялись на белый свет если не пачками, то уж всяко не по чайной ложке, раз в три года. Дальше пошли физические, пусть и не совсем глобальные изменения в географии; пакости помельче, от которых тоже не было ничего радостного. Потом сопоставили события десятилетней давности и начавшийся хаос: нарекли Сдвиг Сдвигом, но лекарства от этой мировой гангрены так и не появилось. Какой смысл ломать голову над изобретением целебного снадобья, если не знаешь, для какой болезни оно предназначается?

Мир стал напоминать Средневековье с присущими ему чертами вроде феодальной раздробленности. То есть самой естественной формой для общества, по которому перед этим помесью танка с тяжёлым бомбардировщиком без всякого предупреждения прошёлся глобальный катаклизм. Только в последние несколько лет появились какие-то подвижки к упо-

рядочиванию. Робкие, в большинстве своём корявые попытки создать хоть какое-то подобие досдвигового социума. В наилучшем положении находились крупные города европейской части России, оставшиеся с кое-какой производственной базой, хоть и впавшей в несомненное подобие комы, где на пару-тройку лет, а местами и больше. Что творится за границами Урала, в Сибири, знали очень немногие, вроде Германа. Не до этого было. Выпуск жизненно важных товаров потихоньку воскрес, естественно – не в том объёме, что был раньше, и преимущественно кустарным методом. В основном пользовались остатками из прежнего времени. Да и ведь население Материка было уже далеко не то, учитывая потери среди тех, кто не сразу приспособился к убийственным коленцам Сдвига, вроде Всплеска и прочих «пешеходов» со «свистоплясками». Плюс – угрожающе низкая рождаемость. Люди цеплялись за жизнь всеми возможными способами, но планета вымирала. Никто не знал, сколько осталось до *полного* финала, до последней черты... Не знал никто, кроме пятёрки, голодными глазами смотрящей на приближающегося к их столу Ловкого, несущего тарелки с аппетитно выглядящими кусками запеченной собачатины.

Чуть погодя на столе появились две литровые бутылки пива местного производства и несколько кусков хрусткого, суховатого хлеба с запахом дымка. Гурманы брезгливо поморщились бы, увидев эту трапезу, да только не было за этим столом гурманов...

Подцепив тяжелой вилкой, судя по всему – даже серебряной, кусок поаппетитнее, Лихо с наслаждением вдохнула запах мяса и принялась жевать. Отхлебнула чуть горьковатое, но вкусное пиво. Приходилось пробовать и не такую экзотику. Ведь, как частенько говорил Глыба: «Сдвиг научит тараканами как леденцами хрустеть». «Феникс» лежал рядом, прямо возле тарелки с мясом. На всякий случай.

– Пища богов! – Герман тоже вооружился вилкой, не иначе принадлежавшей в своё время какому-то аристократу, если исходить из её веса и внешней кучерявости. – Сейчас бы ещё первачка, да за хороший повод...

Он вдохновенно начал жевать, запихав в рот сразу два куска. Остальные без промедления последовали его примеру. Тарелки пустели на глазах, Ловкий пошёл отягощать мангал ещё одной порцией сослужившего свою последнюю службу четвероногого друга человека.

Глава шестая

– Хорошо сидим... – Знаток убрал благодушную улыбку и повернулся к дороге, откуда донёлся шум как минимум двух автомобильных моторов, приближающийся со стороны Великого Новгорода. Из «дзота» появился ещё один человек, с двойником дробовика, стоящего около двери. Человек чем-то неуловимо смахивал на Ловкого: такая же чернявость, длиннорукость. Нос, правда, был не курносый, скорее – картошкой. Семейный бизнес на большой дороге.

Через полминуты к месту общественного питания подкатили два довольно обшарпанных драндулета, безоговорочно проигрывающих в презентабельности по сравнению с «Горынычем». «Патриот Спорт» и «Опель Антара». У «опеля» наглухо отсутствовал передний бампер и было помято заднее левое крыло. А «Патриот» мог похвастать цепочкой пулевых пробоин, наискось протянувшихся через заднюю дверь. Хорошо хоть из багажников не торчало по меланхоличному жмурику. Для полноты картины.

Молодцы, неспешно покидающие салоны авто, выглядели если не разношёрстым сбродом, то лицами с серьёзной претензией на этот статус. Шашлычник незаметно напрягся, продолжая колдовать над мангалом, разродившимся новой порцией волшебных ароматов. Его брат смотрел на вновь прибывших отсутствующим взглядом, держа дробовик наготове. Что будем заказывать?

– Не ссы, шеф! – Один из индивидуумов, с физиономией заслуженного анархиста на почётной пенсии, начал подходить к «дзоту», демонстрируя пустые руки. Хотя, судя по красноречивой выпуклости в районе пояса, у него при себе имелось что-то габаритное, вроде того же «Феникса». При одном взгляде на этого адепта «матери порядка» страстно хотелось держать палец одной руки на спусковом крючке, а во второй руке – «Ф-3» с выдернутым колечком.

– Расслабься, – повторил «анархист». – Нам бы пожрать да ещё чего покрепче.хлопот с нами не будет, мы ж не шушера какая. Почти пацифисты – каких ещё поискать.

– Точно! – осклабился, показывая почти полное отсутствие верхних передних зубов, второй «пацифист» с вытянутым лошадиным лицом и жидкими волосами. – Больше таких безвредных созданий на Материке не найти. Ха-ха-ха!

Они дуэтом зашлись в лающем смехе, длившимся очень недолго. Отсмеявшись, «анархист» поглядел на Ловкого голубовато-блёлклыми, навывкате, глазами и сказал тоном, в котором смешались четыре пятых приказа и одна пятая снисходительности:

– Давай, земля, шевелись. Пацаны жрать хотят. Не обидим, не бзди...

– У нас сначала платят, потом заказывают. – Ловкий поглядел ему прямо в глаза. – В долг и за уважуху – не кормим. Для непонятливых у нас другое меню имеется...

Он покосился на родственника, стоящего в трёх шагах от него и держащего дробовик с непринуждённостью человека более чем искушённого.

– Лумумба! – Чуть повернув голову, «анархист» крикнул куда-то в сторону, и один из девяти путешественников, альбинос с ослепительно-белым, почти неестественным цветом волос и рублеными чертами лица, равнодушно кинул ему какой-то свёрток. Тот поймал его и, подойдя к по-прежнему пребывающему в состоянии некоторой напряжённости чернявому, развернул промасленную бумагу, демонстрируя содержимое.

– Годится? – Ловкий едва заметно кивнул, забрал плату и вернулся к мангалу, начиная нанизывать на стальные жала шампуров новые куски маринованного филе.

– Гуляем, черти! – Субъект с лошадиным фейсом хлопнул в ладони и порулил к свободному столу, мазнув глазами по исподволь наблюдающей за разворачивающимся действием пятерке. Дольше всех его взгляд задержался на Лихо, даже после недавних событий выгля-

девшей весьма заманчиво. Негромко, но явственно причмокнув, он ослабил и, не задерживаясь, пошёл дальше.

Блондинка встретила его взгляд равнодушно, словно смотрела сквозь пустое место: отвернулась.

Алмаз вопросительно посмотрел на неё, слегка поведя подбородком в сторону новых едоков. Лихо отрицательно качнула головой, давая понять, что не уловила ничего, расходящегося между словами явно околориминальных гаврошей и её внутренними ощущениями. Алмаз понимающе кивнул и не стал пододвигать «калаш» поближе.

Чернявый притащил следующую порцию собачатины, скороговоркой пожелал приятного аппетита и сбрызнул обратно на рабочее место. То ли имел место быть некоторый мандраж перед новой партией клиентов, то ли в том промасленном свёртке было нечто такое, за что следовало расшибиться в молекулы, но угодить по полной. Подхихикивать, поддакивать и даже сбачать на столе подобие стриптиза, эротично размахивая грязноватым фартуком. Но, если верить иногда долетающим до стола друзей отрывкам похабных реплик, исполняющей стриптиз на столе желали видеть только Лихо.

Блондинка не реагировала никак, сосредоточенно доедая последний кусок. Ещё пару минут – и они двинутся дальше, оставив этому отребью яркое впечатление для непременно грядущей мастурбации. Да и бес с ними, с озабоченными.

С соседнего стола вдруг донеслись азартные возгласы, похожие на скоропалительно заключаемое пари, потом двое хлопнули друг друга по ладоням, и, в заинтересованном перекрестье взглядов, самый молодой «махновец» поднялся, держа курс к столику пятёрки.

– Спокойно, – процедил Герман, краем глаза следя за приближающимся хмырём. – Доедаем, допиваем, не нервничаем... Говорить буду я.

– А чё, мужики... – Подошедший по-хозяйски упёрся кулаками в стол. Обвёл всех, кроме Лихо, протестным взглядом оборзевшего до полного неприличия двуногого, чувствующего за собой превосходство в силе. – Девочкой не поделитесь? Братва очень просит уважить...

На Лихо он не смотрел, словно вопрос был уже решённым, оставалось только шлифануть кое-какие шероховатости и уводить предмет разговора на свою территорию. По его мнению, здесь вообще некого было бояться.

Пожилый пентюх с непонятым, тушующимся взглядом? Тощий, нескладный прыщ в окулярах? Белобрысая курва с классными буферами и несколько подпорченной внешностью? Кого тут бояться? Не смешите мои стельки... Пушки у них, правда, неплохие, но это ещё не показатель.

Амбал, похожий на страшный сон титанов рестлинга, смотрящий немигающим взглядом, и второй – невысокий кадр, на лице которого нельзя было прочесть ни единой эмоции, вызывали некоторое опасение. Но соотношение сил всё равно составляло примерно три к одному, поэтому шибко увечить нервную систему загодя... определённо не стоит. Сядет матрёшка на конус... а куда она денется? – коли уж так выразительно приглашают.

Блондинка сидела с мёртвым лицом, только в пальцах подёргивалась увесистая вилка, которой так удобно засадить в глаз, без проблем достав до мозгов. Если они есть, конечно же...

– Не, ну чё вы деревянные такие? – делано огорчился переговорщик, повысив голос, чтобы его монолог доносился до притихшей в ожидании гоп-компании. – С вами же похорошему базарят, людям тоже тепла хочется. С такой давалочки ничего не отслоится, чтоб мне так жить. Девятью хренами – больше, девятью – меньше... Один хрен.

Он коротко хохотнул над собственным пошлым каламбуром, и из-за его спины донёсся взрыв смеха, сопровождающийся парой хлопков в ладоши. Лихо скользнула по нему отсут-

ствующим взглядом, глаз за что-то зацепился, она вгляделась получше. Мысленно выматерилась – от души, витиевато.

Нависший над столом джентльмен удачи, могущий в любой миг словить от вилки в глаз до «маслёнка» в левое яйцо, был мутантом. Это в корне меняло дело. Ни одна команда, каким бы лихим ремеслом она ни занималась, никогда не возьмёт к себе мутанта. Отличающегося непредсказуемым, зачастую агрессивным стилем поведения. Значит, либо это ржущее по поводу предстоящей свободной любви мудачье совсем съехало с катушек, либо они занимаются вовсе уж исключительными вещами. О которых даже не хотелось думать. Самое невероятное, что «хамелеоны» молчали, не отзываясь ни единым радужным переливом. Но это точно был мутант, Лихо готова была спорить с кем угодно, не боясь проиграть.

– Да чё вы мнётесь, как стручок у импотента? – удивлённо хмыкнул мутант. – Может, вам с нас плату брать как-то неудобняк? Давайте бесплатно! Мы в ответ постараемся вашу шкуру надолго не задерживать. Отработает за три подхода, по троих за раз приласкает – и гуляй, усваивай гормоны. Тем более что вы с ней, я гляжу, не особенно ласково... – Он кивнул на синяк блондинки. – А мы с ней со всей галантностью. Глядишь, ещё и кайф поймает. Чтобы за девять раз, и далеко не на полшишки, кайфа не словить – не бывает такого. Поймает, куда она денется...

Лихо, не отрываясь, смотрела на чуть видные, зеленоватые, пульсирующие вздутя, находящиеся у него чуть ниже правого уха. Явный признак мутации, и, если раздеть «махновца» догола, непременно обнаружится ещё что-нибудь более отталкивающее, чужеродное. Вроде крохотных, нетерпеливо шевелящихся присосок, располагающихся в районе живота. И при прикосновении к ним кого-нибудь чужого выделяющего вязкую субстанцию, обладающую свойствами клейкой кислоты. Прожигаящей бедро взрослого мужчины насквозь за четверть минуты. Или двух недлинных – сантиметров по двадцать – гибких жал, растущих чуть ниже ключиц. Способных в ближнем бою в считанные мгновения пробить одежду и безошибочно поразить нервные узлы противника. И это ещё довольно безобидные «награды» Сдвига. Бывает не в пример серьезнее.

Но, как уже успела убедиться Лихо, мутация – это не обязательно что-то отталкивающее внешне. Не гнилая чешуя, которой покрыта половина морды, или метровые клыки, торчащие из ушей. Такие ублюдочные оказии тоже попадались, хоть и довольно редко. Мутация в подавляющем большинстве случаев шла изнутри, затрагивая даже не внутренние органы, а душу. Именно то, что делает человека – человеком. Души у мутантов, в девяноста девяти процентах случаев, были *гнилые*. Порченые. Тот же крохотный, тварь по своей сути безмозглая, приносил гораздо меньше вреда, чем мутанты. Которые практически не отставали от человека в умственном развитии, зато обладали целым букетом моральных пороков, не считая, конечно же, изъянов физических.

Но хуже всего было то, что убого витийствующий продукт сочетания *отметин* Сдвига и обычного гомо сапиенса по сути дела являлся миной замедленного действия, готовой рвануть в любой момент, даже без видимой причины. Мутантам зачастую не требовался какой-то конкретный повод для выплеска агрессии, они могли «взорваться» из-за выведенного яйца, из-за любого искажения аномальной активности, по неведомым для других причинам. Не каждый первый, но очень многие. И не было какого-либо мерила, способного с ходу дать знать, представляет ли данный экземпляр *особую* опасность или же можно разойтись миром. Мутант мог выглядеть как помесь чупакабры с золотой рыбкой, с незначительным добавлением *людского*, и быть почти безобидным. И наоборот.

Даже в Тихолесье, не говоря уж о менее дружелюбных местечках, было принято негласное соглашение. С мутантами не иметь *никаких* дел. Даже если тебе притаскивают цистерну первосортной «горючки» и, жалостливо ёрзая на коленях, просят принять в дар. С проявляющими агрессию безо всяких либеральностей проделывали нехитрые манипу-

ляции с помощью ручного оружия, после чего они становились циничной пародией на дверь, в которой просверлили множество отверстий для глазков. По сути дела мутантов просто-напросто выживали из мест относительно обетованных. И никому не было интересно, куда они пойдут и что с ними будет. Забот хватало и без них. Потом они почти что исчезли. Во всяком случае, Лихо уже лет пять не встречала ни одного, не считая тех моментов, когда в самих Суровцах рождался мутант. Тут же завершающий свой толком не успевший начаться жизненный путь.

«Махновец» выглядел расслабленным, беззаботным – но где-то внутри него наверняка тикал часовой механизм, отсчитывающий последние секунды до взрыва. Лихо напряглась, сжимая вилку покрепче, *поувереннее*. Выход был только один – валить наглухо. Убивать. Пока не случилось непоправимого.

Самым плохим было то, что больше никто – ни Шатун, ни Книжник, ни другие – не осознавал *полной* опасности. Для них «махновец» был заурядным «ловцом удачи», *мелочовкой*. Которую можно скомкать в два счёта, как листок бульварного чтива перед предстоящим использованием по прямому назначению. Надо было подать знак, как-то указать на ключевой момент, предупредить! Она не успела.

– Девочка останется здесь. – В голосе Знатока плавал айсберг, заключённый в панцирь из броневого листа. – Дальнейший разговор считаю бессмысленным и...

Лицо мутанта стало *оплывать жутью*, даже не от прозвучавшего отказа, а от того что ему ответили *таким* тоном. Лихо ёрзнула на широкой скамейке, вилка описала короткую дугу, выставляя наружу четыре потемневших от времени тонких серебряных зубца, нацеленных прямо в пульсирующие вздутыя. Немного мешал Книжник, всё же собравшийся, вопреки запрету Германа, раскрыть рот, сказать своё веское слово. Но Лихо знала, что у неё получится.

Правая рука мутанта сделала быстрое, встряхивающее движение, как будто извлекала из рукава что-то мешающееся, ненужное... Плоское игольчатое тело заточки длиной с ладонь, блеснувшее от стремительного взмаха рукой в розоватом свете дня, юркой диковинной рыбкой нырнуло Герману под левую лопатку. Отточено, *навверняка*. Почти одновременно с этим вилка Лихо до упора вошла «махновцу» в бугорок вздутыя, брызнувший изумрудными струйками. Блондинка бы успела зачистить первой, но кто же знал, что эта сволочная *метка* своей эпохи, эта паскуда, мутант, окажется настолько проворным, что *опередит*.

Мутант умер мгновенно. Без крика, без дёрганий, без спецэффектов. Просто стоящий человек вдруг рухнул лицом в стол, не подавая признаков жизни.

– Бей! – Лихо изловчилась без лишних нежностей вломить начинающему подниматься Книжнику в подколенный сгиб и уронить его в промежуток между скамейкой и столом. И почти одновременно с этим качнулась вправо, сгребая со стола «Феникс». Ловя в прицел ближнюю горячую голову за соседним столом, работая на опережение. Мразь, в количестве восьми штук, среагировала оперативно. К блондинке, как в замедленной съёмке, стали разворачиваться сразу несколько стволов. Лихо выстрелила раз, другой...

Круглолицый рыжеватый «махновец», одетый в серый комбинезон с логотипом какой-то давно канувшей в Лету компании, откинулся назад, поймав пулю точно в ямочку на подбородке. Вторая вошла в шею, перебив кадык.

Совсем рядом что-то треснуло – коротко, резко. Краем глаза Лихо поймала Шатуна, встающего из-за стола и отделяющего крышку от опор одним непостижимо быстрым движением. Алмаз крутнулся волчком, перемещаясь в противоположную от Лихо сторону, рассеивая внимание «махновцев». «Калаш» уже плевался огнём, и не было силы, способной сделать так, чтобы вылетевший из него горячий свинец не нашёл цели.

Крышка стола, кувыркаясь, полетела в сторону противника, разбрасывая пустые бутылки с остатками еды в разных направлениях, и достигла цели, погасив собой несколько всё же прозвучавших выстрелов. Раздался проникновенный вопль: скорее всего торчащие из плотно сколоченных досок гвозди пробороzdили чью-то морду. Шатун по дуге ушёл в сторону, держась чуть сзади Алмаза, понимая, что его помощь больше вряд ли понадобится.

Лихо отпрыгнула вбок ещё, «Феникс» рывкнул трижды, успокоив двух «махновцев», которые избежали контакта с массивной деревянной конструкцией. Неподалёку считанные разы откашлялся «дыродел» Алмаза, и наступила тишина.

Шатун огляделся, готовый в случае нужды *воздействовать* на ситуацию всеми имеющимися силами и возможностями. Чернявый с братом застыли форменными истуканами. Их не стоило ни в чём упрекать – вряд ли они, даже за свою жизнь в непосредственной близости от большой дороги, видели, как девять здоровых мужиков гарантированно превращаются в «груз двести» за самый минимальный отрезок времени. Главное, чтоб не начали палить куда попало, когда конфликт уже исчерпан.

Лихо бросилась к скамейке, из-под которой, пространно высказываясь сплошь нелитературными оборотами, выбирался Книжник. Но на очкарика ей было наплевать: живой – и ладно.

Герман лежал на скамейке, чудом не упав на землю. Широко раскрытые глаза быстро стекленели, он, возможно, ещё успел уловить гаснущим сознанием самое начало огнестрельного контакта, лицо было отмечено не успевшим воплотиться в жизнь азартом схватки. Сейчас он уже был там, где сходятся все дороги, и остаётся лишь оглянуться назад, жалея о том, что ты не успел сделать, завершить...

– Герман... – Книжник всхлипнул как-то безысходно и стал озираться по сторонам, словно ища, с кем можно будет поквитаться за *потерю*. Но девять «махновцев», только что получивших аттестат об окончании земного пути, лежали смиренно, не делая никаких попыток получить подкожно ещё пару горячих пилюль.

Лихо выдернула заточку. Струя горячей крови выплеснулась в воздух, попав на лицо мутанта, смешавшись с изумрудной жидкостью, вытекающей из его шеи.

Заточка полетела на землю. Лихо закрыла Герману глаза, ещё раз посмотрела на понемногу становящееся упокоенным лицо. Устроила его на скамейке получше и пошла к чернявому, уже выходящему из ступора.

Брат Ловкого неуверенно повёл в её сторону дулом дробовика, но хозяин придорожной забегаловки, которую теперь с полным на то правом можно было назвать «В гостях у девяти мертвецов», махнул рукой, приказывая прекратить всяческие поползновения.

– Этого... – Для вящего понимания её слов Лихо показала в сторону Знатока, возле которого скорбно застыл Книжник. – Этого мы сейчас сами похороним. С остальными – делайте что хотите. Хоть на шашлык, хоть в качестве наглядного пособия для особо проби-тых на всю бошку. Можешь вдоль дороги поставить и лепить клиентам, что лично девятерых списал. Не отрываясь от мангала. С машинами делай что хочешь, стволы наши. Лопата есть?

Ловкий собственноручно вынес шанцевый инструмент и даже простёр свою любезность до того, что указал небольшую полянку, метрах в ста за «дзотом», где можно было похоронить Знатока, не опасаясь, что его могилу загадят всяким мусором.

Шатун с Алмазом ушли и вернулись через пятнадцать минут, чтобы забрать тело.

– Подожди... – Книжник остановил громилу и осторожно коснулся плеча Германа, прощаясь с ним. Качнул головой, закусил нижнюю губу и быстро отошёл: отвернувшись, мелко-мелко и беззвучно вздрагивая плечами. Шатун легко подхватил тело на руки и понёс в рощицу.

Лихо задумчиво посмотрела вслед Шатуну, потом перевела взгляд на Книжника и впервые подумала, что иногда дар очкарика оборачивается самой мучительной стороной. Она

со временем могла забыть что-то – детали, частности. Какие-то крючочки, способные зацепить в памяти и выволочь на белый свет воспоминания, обшарпанные до некоторой непрозрачности грузом лет и потому частично потерявшие свою остроту. А Книжник был *обречён* помнить это в полном объёме, не упустив ни малейшего нюанса. Всегда. Без надежды на забвение или хотя бы на незначительное искажение увиденного.

Чернявый с братом сноровисто принялись растаскивать кучу-малу, придавленную крышкой от стола. Лихо проводила взглядом утаскиваемого за ноги «анархиста», из левой глазницы которого торчала вилка. Алмаз сэкономил патрончик, в очередной раз доказав, что «Верная Рука – друг индейцев» по сравнению с ним – бездарный и не подающий ни малейшей надежды дилетант.

У остальных чётко сидело по одному «маслёнку» либо в сердце, либо в «бестолковке». А по-другому и быть не могло. Алмаз, и этим всё сказано.

Брат Ловкого поволок круглолицего, утихомиренного Лихо. Она всмотрелась: ошибки быть не могло. У него тоже наблюдались признаки мутации. И у сластолюбца с лошадиной рожей. Одна треть «махновского» отряда состояла из мутантов. Вашу мать, сколько же за ними тянется всякого?!

Лихо не страдала наличием в голове всяких пошлостей, вроде гуманистических иллюзий. Выражающихся в слепой вере в непременную добродетель незнакомых людей. И прекрасно понимала, что за *такой артелью* никак не может не оказаться того, что в Уголовном кодексе прошлой реальности без обиняков называется «особо тяжкими преступлениями, совершёнными с применением насилия».

Вернулись Шатун с Алмазом, громила коротко кивнул. Мог бы и не кивать. Лихо и без того знала, что Герман будет погребен со всеми почестями, которые только можно придумать в эти минуты. Хотя, конечно же, какие тут могут быть почести, кроме более-менее прилично выкопанной могилы и потустороннего знания, что тебя хоронят не самые плохие люди, с которыми ты знался в той, насквозь сложной и ведущей в никуда жизни.

– Собираемся, – распорядилась Лихо. – Я – за рулём. Алмаз рядом. Только у этих *приструнённых* насчёт горючки пошарьте, если есть чего – тащите. Не пропадать же добру... Книжник, стволы собери.

Троица двинулась выполнять приказания. Блондинка подошла к Ловкому, воззрившегося на неё с чётко улавливаемым уважением сильного к ещё более сильному.

– Ничего за последние сутки странного не было? Не считая сегодняшнего *перепляса*? Заметил чего, нет?

– Ничего. – Чернявый помотал головой с вдохновенной убедительностью, но Лихо и сама видела, что он не врёт. – Не было. Мы ж в Тихолесье, кажется... А что – должно было быть?

– Везучий ты человек, Ловкий, коли тебя пока не затронуло. Мой тебе совет – сворачивай лавочку и дуй поближе к народу. В Суровцы не суйся. Суровцев больше нет.

– Как?!

– Молча, Ловкий. Всплеск пришёл, когда не ждали. Держи «плескалку» вместо креста нательного и дальше решай сам. Я тебя предупредила. Если через месячишко ничего не прояснится, значит, на том свете свидимся. Счастливо оставаться. Да, и в Замурино не лезь. Там от населения одни кровавые мазки остались. Хорошо, что лично не видела, ребята поделились...

Она развернулась и пошла к машине, чувствуя на спине растерянно-озадаченный взгляд чернявого.

Забираясь на водительское место, которое, казалось, ещё помнит тепло тела Германа, Лихо увидела, как Ловкий что-то экспрессивно талдычит брату, делая красноречивые жесты всеми конечностями. Потом они быстро побежали к «дзоту», наверняка начиная распихи-

вать по баулам всё заработанное нелёгким трудом на ниве частного предпринимательства. Спасение – спасением, а барыш бросать не годится.

Лихо повернула ключ в замке зажигания, и спустя полминуты «Горыныч» лёг на прежний курс, держа путь в бывшую Первопрестольную. Можно было ничего и не говорить Ловкому, уехать, оставив его в неведении относительно происходящего. Но чернявый абсолютно не виноват в происшедшем, он-то тут при чём? – пускай спасается, как может. Она не могла по-другому.

Но легче не стало. Перед глазами стоял блеск стальной рыбки, неумолимо приближающийся к спине Германа, который, скорее всего, так и не успел понять, что умирает... Ведь можно было не заезжать в эту шашлычную, перебились бы как-нибудь. Случайность, нелепая случайность. Одна такая спасла их четверых от неминуемой западни Всплеска, другая, словно отыгрываясь, забрала Знатока. И ничего нельзя вернуть, поменять, исправить... Но под сердцем всё равно сидела тупая шершавая заноза, беспокойно ворочающаяся от любого воспоминания о только что минувшем.

Лихо бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Книжник сидел, прижавшись лбом к стеклу, и как будто не замечал всех кочек и трещин, на которых даже великолепно сбалансированного для езды по бездорожью бронированного монстра нещадно потряхивало и водило из стороны в сторону.

И снова сосредоточилась на езде, благо что дорога стала сущим наказанием – немного заезаешься и останешься без колёс.

«На таких трассах в преисподней лихачи и вся остальная братия, не нашедшая компромисс с правилами дорожного движения, на потеху чертям гоняет. – Лихо ловко объехала выбоину, которую мог оставить лишь налакавшийся первача тираннозавр, пытавшийся отплясывать „сударыню-барыню“ изо всех своих тираннозаврских силёнок. – На спорткарах, без тормозной системы...»

Встречных машин больше не было, что не особенно удивляло, даже принимая во внимание то, что ещё три с лишним десятилетия назад трасса носила название федеральной. Но хрен его знает, что могло стрястись в других районах Материка за последние сутки... Было бы наивным считать, что все беды в одночасье рухнули лишь на многострадальные Суровцы, а в остальном, прекрасная маркиза, – везде тип-топ. Ну и, конечно же, ни для кого не было секретом, что во времена Сдвига механизм, имеющий двигатель внутреннего сгорания, – это более чем роскошь. Потому что горючка, наравне с едой, стояла вторым пунктом в списке жизнеобеспечения, сразу после оружия и боеприпасов.

Машины, как правило, имелись у серьёзных группировок, вроде суровцевской. К какому виду жизнедеятельности склонялись эти группировки – особой роли не играло, главное, что они представляли собой реальную силу, способную на решительные действия, с помощью которых можно было обеспечить приемлемое существование в окружающей среде. Неважно – был это чистый криминал или мирная политика. «Мирная», конечно же, сугубо в тех рамках, в которых позволяло удерживаться нынешнее мироздание, никоим образом не заточенное под расцвет либерализма и демократии. И успешная добыча топлива была одной из задач, для положительного решения которой одиночки и мелкие, «дикие» криминальные формирования не годились. Только серьёзная сила, имеющая в своём активе всё необходимое для приобретения и безопасной транспортировки горючки к месту проживания. Нет, конечно же, автолюбители всех мастей могли иметь четырёхколёсного друга, вот только все горести и хлопоты, связанные с его содержанием и передвижением на нём, ложились исключительно на них самих. Любишь кататься – люби и от беспредельщиков отбиваться... Положение кое-как выправляло то обстоятельство, что после наступления Сдвига не только горючка, но и многие другие вещи приобрели (согласно каламбуру) свойства сохранять свои полезные свойства в несколько раз дольше, чем это было до новой реально-

сти бытия. Еда могла храниться в пять, шесть, семь раз дольше, чем раньше. Одежда изнашивалась гораздо медленнее, металл ржавел ещё более неторопливо, и так далее, и тому подобное... Никто не забивал себе голову, почему произошло именно так, а не эдак. Подавляющее большинство мнений на этот счёт соглашалось с распространённой поговоркой: «С паршивой овцы – хоть шерсти клок». Тем более что на этом почти все полезности, принесённые катаклизмом, исчерпывались.

В багажниках «Антары» и «Патриота» нашлись две с половиной канистры горючки, самым законным образом перекочевавшие в грузовой отсек «Горыныча». Что позволяло чувствовать себя немного увереннее, на ноготок, на самую чуточку, но всё же...

– Что дальше будем делать? – Алмаз разорвал тягучую завесу молчания, выглядевшего как последняя дань Герману. – Проводника будем искать или в омут головёнками? Можно, конечно, как Знаток вчера предлагал, – спиритическое блюдечко вместо навигатора приловчить и переть, где – буром, где – аллюром, а где – не дыша и не пукая. Есть мнения?

– Есть мнение – доехать до златоглавой. – Лихо выехала на ровный участок дороги, радующий глаз своей изрядной протяжённостью, и притоптала педаль газа. – А там поглядим, покумекаем... Пылится у меня в заначке одна идейка, отнюдь не убогая, нет... Глыба, конечно же, что касается связей – был сущий кладёзь, но кое-что и мне перепало. Есть один человек, как Герман давеча изволил высказаться высоким штилем – из *государственных*. Не сошка-пристебай: важняк, тяжеловес. Андреич мне недавно задвигал, что тяжеловес этот снова хочет всё в кучу сгрести. Собиратель земли русской, ага... Не то чтобы идея плоха, нет. Только времени на её воплощение, как показывают последние изменения действительности, нема совсем. Тридцать пять... ну ладно – четверть века всё разваливалось, и уж за месяц – точно назад не склеить. По идее, мы ему сейчас, как козырной туз из рукава, без вариантов...

– А он тебя точно помнит? – Шатун с сомнением поглядел на Лихо. – Когда ты в последний раз там была? С полгода назад, не меньше...

– Да помнит! – хохотнула Лихо. – Он за мной в прошлые разы пытался приударить со всем старанием. Уже вроде в годах, но ба-альшой любитель сладенького, особенно таких редких экземпляров, вроде меня. Не за деловые качества, а за то, что я вся из себя натуральная блондинка. Если бы вы только знали, что он мне сулил за то, чтобы я в стольном граде осталась, у него под любвеобильным крылышком. Только куда ж я без вас, обормотов? – да и не нужны мне его карамельки... Должен он меня помнить, а уж Андреича – и подавно. Он через него примерно месяца три назад мне приветик передавал. Всё не оставляет надежды воспользоваться моим девичьим легкомыслием, старый развратник. Но, если подходить глобально – человечине серьёзный, без отталкивающих огрехов. Растолкуем ему расклад, глядишь – чем-нибудь обрадует. Ковровую дорожку до Байкала, конечно же, расстилать не кинется, но без подмоги не останемся. Такие вот перспективы...

– Что бы мы без тебя делали?! – Алмаз широко открыл глаза, с преувеличенным умилением глядя на блондинку. Потом хмыкнул и подмигнул уже без кривляния. С облегчением, которое обычно присутствует после появления чётких ориентиров в пространстве.

– А вы что, были бы способны без меня что-то сделать? – так же преувеличенно изумилась Лихо. – Ну кровохлёбу яйца оторвать – это я согласна, даже при условии, что нет у него никаких яиц... Но ещё что-нибудь? Без меня? Шутить изволите, господин юморист...

«Горыныч», управляемый твёрдой рукой, поглощал расстояние, приближаясь к первой точке их маршрута. За окнами мелькали давно и прочно заброшенные поселения в пять – семь безнадежно покосившихся домишек и лес, лес, лес. Проехали Любань, Крестцы – от которых осталось что-то невнятное, выглядевшее красочной декорацией к состоявшемуся апокалипсису. Что, в принципе, недалеко ускакало от истины. Впереди лежала бывшая Валдайская заповедная зона.

Никакой нечисти в поле зрения не попадалось. Этот факт можно было считать большой удачей, правда неизвестно, по каким причинам случившейся. Может быть, всех гадов разогнала наконец-то нашедшаяся на них аномалия, а может – просто везло. Если не фантастически, то где-то очень рядышком...

Проехали Вышний Волочек, Тверь, Клин – там местами виднелись признаки функционирования гомо сапиенсов, судя по всему, ещё не изведавших грянувших перемен. Или хлебнувших, но не полным ковшом. Останавливаться и визнавать новости четвёрка не посчитала нужным: вряд ли это принесло бы какую-то пользу. До Москвы оставалось совсем немного.

Миновали Солнечногорск, от которого, после окончания первой десятилетки Сдвига, остался насквозь неприглядный пейзаж, на довольно продолжительный период времени вызывающий стойкие ассоциации если не с преисподней, то с её преддверием. Побывав в Солнечногорске, можно было написать не один научный труд на тему «Нестабильное распределение аномального влияния Сдвига на окружающую среду». Если, конечно, осталось кому и когда писать эти пухлые тома словесной зауми, вместо того чтобы озаботиться становящейся всё более актуальной проблемой выживания.

Поменявшийся местами с Лихо Алмаз уверенно вёл «Горыныча» в быстро густеющих сумерках не самого безобидного фиолетового колера, приближаясь к МКАДу. После далёких от человеколюбия выкрутасов Сдвига, способных вызвать у душевно не стойких индивидуумов мгновенное помутнение рассудка, население бывшей златоглавой сократилось до двух с четвертью миллионов. Против тринадцати с лишком миллионов, проживавших до катаклизма. Окраины опустели, народишко перебрался поближе к центру, пережив все прелести, сопутствующие этому аналогу Смутного времени. Мародёрство, грабежи, разброд в умах, неуверенность в завтрашнем дне. Одним словом, всё то, что было описано в фантастическом ширпотребе, так беззаветно любимом Книжником. И в один (прекрасный, ага...) день ставшее доподлинной реальностью.

В общих чертах бывшая Первопрестольная являла собой некое относительно удачное подобие Суровцев с поправкой на некоторые критерии, конечно же. Управлять трёхтысячным посёлком или городом, где население, пусть и сократившееся в разы, но превышает два миллиона? Что вы выберете, учитывая то, что экологическая, экономическая, политическая и прочие обстановки изменились кардинально? Вот то-то...

– До центра бы добраться... А то не люблю ночевать на улице, тем более – в незнакомой местности, – сказал Шатун. – Неуютно мне.

– Не помешало бы. – Алмаз неторопливо преодолел преграду в виде лежащего поперёк дороги фонарного столба. – Думаю, доберёмся, места цивилизованные. Это дальше – вольному воля, а здесь, если, конечно, верить нашему «детектору лжи», вполне порядочные люди обитают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.